

ОТЗЫВЫ О ПРУССКОЙ АРМИИ

ФРАНДУЗСКАГО ВОЕННАГО АГЕНТА, ПОЛКОВНИКА СТОФФЕЛЯ, ПЕРЕДЪ НЫНѢШНЕЮ ВОЙНОЮ.

Въ теченіе настоящей кампаніи, общественное мнѣніе во Франціи было особенно возбуждено противъ полковника Стоффеля, бывшаго французскаго военнаго агента въ Берлинѣ. Обвиненія доходили до того, что на него указывали даже какъ на измѣнника. Его упрекали, будто онъ не доносилъ о тѣхъ превосходныхъ качествахъ прусской арміи, которыя такъ поразительно выказались въ нынѣшней войнѣ. Послѣ многихъ затрудненій, Стоффелю удалось найти свои донесенія въ бюро французскаго военнаго министерства: оказалось, что всѣ они были оставлены безъ всякихъ послѣдствій, что большинство рапортовъ никѣмъ не читалось, а нѣкоторые были найдены даже нераспечатанными.

Въ началѣ наступившаго года, въ «Journal des Débats» былъ помѣщенъ рядъ донесеній Стоффеля военному министерству французской имперіи. Донесенія заключаютъ въ себѣ очерки организаціи вооруженныхъ силъ Пруссіи и Сѣверо-Германскаго Союза, и, по вѣрности характеристики германскихъ войскъ и тонкой наблюдательности автора, представляютъ всеобщій интересъ. Мы приводимъ донесенія полковника Стоффеля почти въ полномъ ихъ объемѣ.

I.

ЕЛЕМЕНТЫ ПРЕВОСХОДСТВА ПРУССКОЙ АРМИИ.

Донесеніе отъ 23-го апрѣля 1868 года.

Посреди многостороннихъ предметовъ для изученія, лежащихъ на обязанности военнаго агента, ему постоянно и невольно представляется слѣдующій вопросъ: если завтра же начнется война между

Прусією и Франціей, будетъ-ли прусская армія имѣть превосходство надъ французскою, въ отношеніи-ли организаціи, или обученія, или военного духа, или вооруженія и прочаго? Если начала превосходства существуютъ, то какія они именно? Наконецъ: что намъ слѣдуетъ дѣлать, чтобы не оставаться въ состояніи относительной слабости?

Въ постановкѣ вопроса, я не касаюсь тѣхъ сторонъ, которыя недоступны предварительной оцѣнкѣ, какъ, напримеръ: командование армією, занимающее, безспорно, первостепенное мѣсто; наличныя силы, которыми двѣ націи будутъ въ состояніи располагать; разнаго рода источныя средствъ двухъ государствъ и прочее. Для большей ясности, я предполагаю эти элементы равными для обѣихъ сторонъ. Но и при этомъ условіи, изслѣдуемый мною вопросъ остается однимъ изъ самыхъ сложныхъ, потому что касается всѣхъ частей устройства армій. Я намѣренъ его упростить, чтобы избѣгнуть рѣшительнаго опредѣленія: которая изъ двухъ армій лучше? Обыкновенно, такіе вопросы предлагаются людьми поверхностными, которые не въ состояніи понять, что отвѣчать на нихъ невозможно по множеству предметовъ для сравненія и вслѣдствіе неуловимости ихъ для оцѣнки. Поэтому я ограничусь изложеніемъ тѣхъ элементовъ превосходства, которые, въ случаѣ будущей войны, обезпечатъ успѣхъ прусской арміи.

Элементы превосходства одной арміи надъ другою двухъ различныхъ родовъ: одни относятся къ характеру націи, ея темпераменту, ея традиціямъ, ея исторіи, уровню ея общественнаго образованія: я назову ихъ *нравственными*; другіе вытекаютъ изъ организаціи арміи, степени военного обученія офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ, военной матеріальной части, вооруженія, снаряженія: это элементы *матеріальныя*. О французской арміи я могу не говорить: ея качества достаточно извѣстны. Въ Прусіи, всѣ образованные военные люди признаютъ за нашихъ солдатомъ превосходство индивидуальности, смысленности и порыва надъ всѣми остальными арміями; беззаботность и французскую веселость они цѣнятъ, какъ драгоцѣнныя для войны качества; они находятъ нашихъ солдатъ изобрѣтательными и неутомимыми въ ходьбѣ (*). Съ другой стороны, они считаютъ преимуществомъ французской арміи продолжительность службы подъ знаменемъ и присутствіе въ рядахъ ея старыхъ сол-

(*) Часть Прусіи представляетъ ровную поверхность. Извѣстно, что жители равнинъ не такъ способны въ ходьбѣ, какъ жители гористыхъ мѣстъ. Эта равнина чувствовалась въ войнѣ 1866 г. Армейскіе корпуса восточной Прусіи, Помераніи и Бранденбурга гораздо болѣе пострадали отъ маршей въ Богеміи, чѣмъ, напримеръ, силезскій корпусъ.

дать; въ особенности они завидуютъ составу нашего корпуса унтеръ-офицеровъ (*).

Во нравственномъ отношеніи, два основанія даютъ прусской арміи неоспоримое превосходство надъ всѣми другими европейскими арміями: 1) основаніе общеобязательности военной службы; 2) проникшее во всѣ классы націи образованіе.

Общеобязательная служба. Излишне говорить о томъ нравственномъ значеніи, которое имѣетъ прусская армія, благодаря присутствію въ ея рядахъ всѣхъ классовъ націи: соединенные армія и ландверъ предоставляютъ какъ бы весь народъ подъ ружьемъ. Какіе бы ни были недостатки военной организаціи Пруссіи, какъ не восхищаться народомъ, который, понявъ, что для государствъ, какъ и для частныхъ лицъ, первое условіе заключается въ независимости существованія, захотѣлъ и сдѣлалъ свою армію высшимъ и почетнѣйшимъ учрежденіемъ, заставилъ всѣхъ способныхъ своихъ гражданъ раздѣлять бремя и честь защиты страны или участвовать въ увеличеніи его могущества, и все это просто, безъ всякихъ расчетовъ и соображеній? (**)

Говоря объ офицерахъ, нельзя не обратить вниманія на тотъ прекрасный примѣръ, который они даютъ всѣмъ другимъ классамъ. Живутъ ли тамъ, какъ въ другихъ странахъ, избранныки судьбы по рожденію и богатству въ прискорбной праздности? Далекое нѣтъ! Лица самыхъ богатыхъ семействъ, самыхъ знаменитыхъ фамилій служатъ офицерами, подавая примѣръ другимъ точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей и требованій военной жизни. Созерцая эту гармонию, не только проникаешься чувствомъ уваженія къ столь степенному и строгому народу, но и содрогаешься передъ силою арміи такого устройства.

Обязанности образованія. Общеобязательное образованіе установлено въ Пруссіи уже болѣе тридцати лѣтъ, даже можно сказать, со временъ Фридриха Великаго. Поэтому, въ отношеніи распространенія образованія по всѣмъ сословіямъ, прусская нація самая просвѣщенная во всей Европѣ. Одиѣ ея польскія провинціи, сравнительно, отстали. Во Франціи, гдѣ не знаютъ положительно ничего касающа-

(*) Въ дѣйствительности, прусская армія имѣетъ, какъ и наша, сторослуживыхъ унтеръ-офицеровъ, но число ихъ очень ограничено, вследствие общей обязательности службы, требующей поступления въ армію ежегоднаго контингента.

(**) Въ Пруссіи вся честь, всѣ преимущества и почести для арміи и для тѣхъ, кто въ ней служитъ. Кто по какой либо причинѣ не былъ солдатомъ, тотъ не можетъ получить никакого мѣста; въ городахъ и селеніяхъ, онъ всегда остается предметомъ насмѣшекъ своихъ согражданъ.

гося иностранных государствъ, даже и не подозрѣваютъ о суммѣ умственнаго труда, которому служить ареною Сѣверная Германія. Народныя школы ее наполняютъ, и въ то время, какъ во Франціи центры дѣятельности и умственной производительности сосредоточиваются лишь въ нѣсколькихъ большихъ городахъ, сѣверная Германія вся покрыта такими центрами, и для нихъ перечисленія пришлось бы упоминать города третьей и четвертой степени.

Нѣтъ надобности много говорить о преимуществахъ арміи, отличающейся, по всему составу, высокимъ образованіемъ. Но не странно-ли, что во Франціи люди, слышущіе просвѣщенными, отказываются отъ принятія этой системы? Не значить ли это отрицать благотворное вліяніе образованія и воспитанія на развитіе способностей человѣка, на возвышеніе его чувствъ и понятій о его собственномъ достоинствѣ? Эти люди наивно говорятъ, что армія необразованныхъ, но привычныхъ къ военнымъ трудамъ солдатъ, побьетъ армію, составленную хотя и изъ лучшихъ людей, высоко просвѣщенныхъ, но лишенныхъ боеваго опыта. Но какой генералъ задумался бы, даже на одну секунду, если бы, при равныхъ другихъ условіяхъ относительно физической силы, дисциплины, срока службы и прочаго, ему предложили бы на выборъ командованіе двумя статысячными арміями: одною, составленною изъ учениковъ политехнической или сень-сирской школы, а другою изъ берійскихъ или иммузенскихъ крестьянъ? Вѣроятно, даже имѣя въ виду одну лишь возможность быстрѣйшаго обученія, онъ не поколеблется выбрать первую; вообще же, относительно нравственнаго достоинства, первая армія будетъ стоить десяти вторыхъ. Кстати, я расскажу, что мнѣ говорили прусскіе офицеры и унтеръ-офицеры въ Богеміи, въ августѣ 1867 года. Гордые успѣхами, они приписывали ихъ умственному превосходству своихъ солдатъ. «Когда, послѣ первыхъ битвъ», рассказывали они, «наши солдаты въ первый разъ сошлись съ плѣнными австрійцами, увидѣли ихъ вблизи и поговорили съ этими людьми, изъ которыхъ многіе едва могли отличить правую сторону отъ лѣвой, то они почувствовали все свое превосходство и это самоувѣніе удесятерило наши силы».

Чувство законности. Я долженъ упомянуть еще объ одномъ качествѣ, особенно характеризующемъ прусскую націю и способствующемъ возвышенію нравственнаго духа ея арміи: это чувство законности. Оно развито во всѣхъ класахъ страны до такой степени, что вызываетъ тѣмъ большее удивленіе, чѣмъ ближе изучаешь прусскій народъ. Не вдаваясь въ изысканія причинъ этого явленія, я огра-

ничиваюсь упоминаніемъ о его существованіи. Замѣчательнымъ доказательствомъ уваженія къ закону служить личный составъ служащихъ по всеѣмъ различнымъ отраслямъ государственной администраціи: скромно оплачиваемые и большею частью обремененные семействами, эти люди, съ неутомимымъ рвеніемъ и безъ сѣтованій на судьбу, работаютъ цѣлый день. «Мы остерегаемся трогать эту трудящуюся и скудно-оплачиваемую бюрократію, служащую намъ лучшую службу и составляющую одну изъ основныхъ нашихъ силъ», сказалъ мнѣ на дняхъ графъ Бисмаркъ.

Постоянная организація спеціальныхъ родовъ службы. Въ доказательство матеріальнаго превосходства Пруссіи, я упомяну сначала о той легкости, которую представляетъ военная организація въ образованіи нѣкоторыхъ видовъ спеціальной службы, напримѣръ командъ для переноски раненыхъ, желѣзно-дорожныхъ, телеграфическихъ отдѣленій и прочаго. Здѣсь я ограничусь заявленіемъ, что, благодаря учрежденію ландвера, эти виды спеціальной службы организуются безъ уменьшенія численной силы арміи и готовятся въ мирное время самымъ надежнымъ образомъ. Одно слово о командахъ для переноски раненыхъ. Мы не принимаемъ ихъ для Франціи; но я считаю еще вопросомъ заслуживающимъ вниманія—назначеніе, въ моментъ открытія кампаніи, изъ каждой пѣхотной роты четырехъ или пяти человекъ для ухода за ранеными. Это что—нибудь да значить, а между тѣмъ каждый согласится, что заблаговременно организованныя команды, строго очертанными обязанностями и правилами, исполнять свою службу лучше. Если бы учрежденіе командъ носильщиковъ для раненыхъ имѣло назначеніемъ лишь филантропическую цѣль, безъ нихъ еще можно было бы обойтись; но вліяніе ихъ и на ходъ сраженій, кажется, безспорно. Въ самомъ дѣлѣ, что мы видѣли на поляхъ сраженій въ Италіи? Какъ только солдатъ раненъ, три или четыре его сосѣда оставляютъ ряды подѣ предложомъ относи раненаго. Это важное неудобство устранилось бы, если бы солдаты знали, что для помощи раненымъ на самомъ полѣ битвы существуютъ особыя части, хорошо устроенныя и заранѣе организованныя. Въ Пруссіи, команды для переноски раненыхъ состояются изъ людей ландвера, имѣющихъ все желаемыя нравственныя качества относительно хорошаго поведенія. Можно опасаться, что наши четыре или пять человекъ не представляютъ этихъ гарантій въ равной степени.

Стрѣльба пѣхоты. Если наше ружье образца 1866 года обладаетъ всеми качествами, которыя ему приписываютъ, то Франція не

только не должна завидовать вооруженію прусской пѣхоты, но положительно превосходить ее. Нельзя отрицать, однако, что, сравнивая темпераменты обѣихъ націй, огонь прусской пѣхоты, при равныхъ условіяхъ, страшнѣе огня французской пѣхоты. Прусскій солдатъ, менѣе впечатлительный чѣмъ нашъ, будетъ стрѣлять съ большимъ хладнокровіемъ и вѣрностью. Это убѣжденіе распространено въ прусской арміи, и я слышу его очень часто. Прибавлю, что мы не сумѣемъ обратить большаго вниманія на «наставленіе обученію цѣльной стрѣльбѣ», а въ Пруссіи прилагаютъ къ этому предмету особенное вниманіе. Ежегодно, въ каждый баталіонъ, на челоуѣка отпускаютъ по 120 патроновъ. Кромѣ того, за получаемый отъ пѣхоты свинецъ, количествомъ въ $\frac{1}{3}$ вѣса всѣхъ употребленныхъ пуль, артилерія возвращаетъ ей соразмѣрное число патроновъ. Эти послѣдніе выдаются менѣе искуснымъ стрѣльцамъ, и такимъ образомъ оказывается, что каждый солдатъ, среднимъ числомъ, истрачиваетъ въ годъ болѣе 130 патроновъ. Всѣ офицеры полка участвуютъ въ практическомъ обученіи стрѣльбѣ и заносятся въ общіе списки. Полковники и генералы, въ концѣ года, присутствуютъ при испытаніяхъ, чтобы тѣмъ показать значеніе, которое придаютъ этому обученію; здѣсь уже давно понято и усвоено правило, что чѣмъ оружіе пѣхотнаго солдата совершеннѣе, тѣмъ тщательнѣе слѣдуетъ изучать цѣльную стрѣльбу.

Стрѣльба артилеріи. Въ случаѣ войны, намъ пужно принять мѣры къ улучшенію нашей артилеріи: матеріальная часть прусской артилеріи далеко превосходитъ нашу. Правда, наши полевые лафеты легче прусскихъ, наши запряженные орудія подвижнѣе; но за то оба полевые прусскія орудія (4-хъ и 6-фунтовыя) стрѣляютъ вѣрнѣе нашихъ и на большее разстояніе. Кромѣ того, прусскія орудія могутъ стрѣлять скорѣе нашихъ. Отчего значительное число нашихъ артилерійскихъ офицеровъ не находятъ въ этомъ преимущества, и при томъ увѣряютъ, что наше орудіе стрѣляетъ съ достаточною скоростью? Какъ будто на войнѣ никогда не представляются такія обстоятельства, при которыхъ возможность выпустить наибольшую массу снарядовъ въ непріятельскія войска или въ артилерію, въ извѣстный періодъ времени, была бы весьма желательна?

Что касается до личнаго состава прусской артилеріи, онъ далеко ниже нашего, потому что прусскіе артиллеристы служатъ въ дѣйствующей арміи едва два года. Офицеры прусской артилеріи пользуются меньшимъ значеніемъ сравнительно съ офицерами другихъ родовъ

оружія, хотя ихъ военное образованіе ни въ чемъ не уступаетъ образованію французскихъ офицеровъ.

Изъ всѣхъ элементовъ превосходства, обеспечивающихъ за Пруссіей успѣхъ въ будущей войнѣ, важнѣйшій, неоспоримо, заключается въ составѣ корпуса офицеровъ генеральнаго штаба.

Громко провозглашаю, что прусскій генеральный штабъ первый въ Европѣ; нашъ же не можетъ быть даже съ нимъ сравниваемъ. Я не переставалъ настаивать на этомъ предметѣ въ моихъ донесеніяхъ съ 1866 года и представлять необходимость изысканія средствъ къ поднятію нашего корпуса генеральнаго штаба на высоту прусскаго. Убѣжденный въ важности пользы, которую сѣверо-германская армія извлечетъ въ будущей войнѣ изъ состава своего корпуса генеральнаго штаба, и предвидя наше, бытъ можетъ, горькое раскаяніе, я возвращаюсь къ этому вопросу, по моему мнѣнію, важнѣйшему изъ всѣхъ. Я не буду скрывать: въ этомъ отношеніи мое убѣжденіе таково, что я не могу не поднять тревоги и не воскликнуть: «saveant consules!» (*) Дѣйствовать иначе, я считалъ бы неисполненіемъ своихъ обязанностей.

Когда, въ 1866 году, во время перемирія, я прибылъ въ Прагу, мои первыя сношенія были съ офицерами генеральнаго штаба. Я былъ пораженъ ихъ достоинствами: всѣ, безъ исключенія, отличались замѣчательными способностями и обширными военными познаніями. Но шѣрь того, какъ я ознакомился съ большимъ числомъ этихъ офицеровъ, мое удивленіе возрастало; на всѣхъ степеняхъ іерархіи, я находилъ офицеровъ серьезныхъ, просвѣщенныхъ и разумныхъ. Было весьма интересно изыскать причины такого явленія, и я принялся за изученіе организаціи прусскаго корпуса генеральнаго штаба.

Въ Пруссіи не существуетъ ни особаго закона, ни особыхъ правилъ касательно сосгавленія корпуса генеральнаго штаба. Тамъ держатся того справедливаго мнѣнія, что изъ всѣхъ офицеровъ арміи офицеры генеральнаго штаба должны обладать наибольшими способностями и наибольшимъ образованіемъ. «Неважно», говорятъ пруссаки, «если ротный или эскадронный командиръ не имѣетъ обширныхъ военныхъ познаній; для офицера же генеральнаго штаба, обширныя военныя познанія совершенно необходимы. Разнообразіе обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба, вліяніе ихъ донесеній на рѣшенія генераловъ, въ особенности теперь, когда арміи многочисленны, а театръ

(*) „Пусть не дрсмлютъ консулы“ (т. е. правительственныя лица).

военныхъ дѣйствій обширенъ, требуютъ всесторонняго образованія и спеціальныхъ способностей» (*).

Усвоивъ себѣ убѣжденіе, что офицеры генеральнаго штаба должны быть самыми способными, въ практическомъ примѣненіи этого начала, въ Пруссіи было установлено избирать такихъ офицеровъ изъ всего корпуса офицеровъ арміи, съ предоставленіемъ имъ важныхъ преимуществъ относительно чинопроизводства; но при этомъ было принято за правило отчислять отъ генеральнаго штаба тѣхъ офицеровъ, которые не проявятъ въ этой службѣ достаточнаго рвенія или требуемыхъ способностей. Послѣдствіемъ этихъ мѣръ было образованіе генеральнаго штаба изъ офицеровъ молодыхъ, честолюбивыхъ, способныхъ и дѣятельныхъ—потому что они стремились къ быстрому повышенію—способныхъ и дѣятельныхъ, потому что знали, что если не исполнять требуемыхъ занятій, то будутъ отчислены на службу въ армію.

Чтобы понять преимущества офицеровъ генеральнаго штаба, нужно знать, что въ прусской арміи нѣтъ закона о производствѣ и что тамъ получаютъ чины по старшинству службы. Хотя король и имѣетъ право производства въ слѣдующій чинъ любого изъ офицеровъ, но онъ пользуется своимъ правомъ очень рѣдко. Число офицеровъ такимъ образомъ произведенныхъ не превышаетъ $\frac{1}{30}$ — $\frac{1}{40}$ всего числа офицеровъ. Офицеры же генеральнаго штаба выигрываютъ предъ другими, по крайней мѣрѣ, семь или восемь лѣтъ службы.

Обращаюсь теперь къ подробностямъ комплектованія корпуса офицеровъ генеральнаго штаба въ Пруссіи.

Прусская армія, въ настоящее время армія Сѣверо-германскаго Союза, состоитъ, какъ всѣмъ извѣстно, изъ постоянныхъ армейскихъ корпусовъ, и имѣетъ также постояннаго начальника генеральнаго штаба, генерала Мольтке. Генеральъ этотъ вполне самостоятельный начальникъ генеральнаго штаба, какъ отдѣльной части: онъ избираетъ офицеровъ въ генеральный штабъ; онъ производитъ ихъ въ чины (министръ ограничивается утвержденіемъ его представленій); онъ распредѣляетъ ихъ по должностямъ въ арміи. Власть его, такъ сказать, неограничена, и это обстоятельство всѣмъ кажется здѣсь совершенно обыкновеннымъ, столько же вслѣдствіе достоинства и честности генерала Мольтке, сколько и по смыслу образованія арміи изъ постоянныхъ корпусовъ.

(*). Фридрихъ, въ своихъ мемуарахъ, настаиваетъ на необходимости имѣть способныхъ и образованныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Онъ приписываетъ недостаткамъ этихъ офицеровъ потерю сраженій при Мальпаккѣ и при Лютценѣ.

Поручики всѣхъ родовъ оружія, послѣ трехъ лѣтъ службы въ полку, имѣютъ право на поступленіе въ военную академію (Kriegs-Academie), учрежденную въ Берлинѣ. Это школа высшаго военного образованія, неимѣющая во всей Европѣ ничего себѣ подобнаго, какъ по достоинству профессоровъ, такъ и по обширности занятій. Она не спеціальная школа генеральнаго штаба: ея назначеніе гораздо обширнѣе и заключается столько же въ обученіи офицеровъ высшимъ предметамъ военного искусства, сколько и въ общемъ умственномъ ихъ развитіи, дѣлающемъ ихъ способными къ службѣ въ генеральномъ штабѣ и къ высшему командованію войсками (*).

Послѣ серьезнаго пріемнаго экзамена, на который являются, среднимъ числомъ, около 120 поручиковъ, 40 человекъ принимаются въ академію. Курсъ обученія три года.

Курсъ перваго года начинается съ 1-го октября и продолжается девять мѣсяцевъ; послѣ чего офицеры возвращаются въ свои полки, гдѣ остаются три слѣдующихъ мѣсяца (съ 1-го іюля по 1-е октября), для участія въ такъ называемыхъ осеннихъ маневрахъ.

Курсъ втораго года тотъ же.

Только въ курсѣ третьяго года ученики пріобрѣтаютъ болѣе спеціальныя познанія, необходимыя офицерамъ генеральнаго штаба. Десятый мѣсяць этого года употребляется, подъ руководствомъ профессоровъ, для военныхъ экскурсій, или такъ называемыхъ путешествій генеральнаго штаба, преимущественно въ пересѣченной странѣ. Во время путешествія, офицеры занимаются производствомъ рекогносцировокъ, составленіемъ военныхъ кроки, разбивкою бивуаковъ и лагерей, выборомъ позицій, рѣшеніемъ тактическихъ задачъ на мѣстности и проч.

По истеченіи трехъ лѣтъ, всѣ поручики, безъ выпускнаго экзамена и составленія класнаго списка, возвращаются въ свои полки. Профессоры и директоръ академіи указываютъ генералу Мольтге тѣхъ изъ офицеровъ, которые явили себя болѣе способными и прилежными. Изъ нихъ выбираютъ двѣнадцать человекъ, принимая въ соображеніе, чтобы въ этомъ числѣ были офицеры всѣхъ родовъ оружія (пѣхоты, кавалеріи, артилеріи), и, въ теченіе года, слѣдующаго за выпускомъ изъ академіи, причисляютъ ихъ на шесть или на девять мѣсяцевъ къ полку другаго рода оружія. Выказавшіе, во время это-

(*) Почти всѣ нынѣшніе генералы прусской арміи старые ученики военной академіи, а три четверти изъ нихъ служили въ генеральномъ штабѣ. Пропорція идетъ увеличиваясь: политехническое же, мецское и сенъ-сырское училища, въ сравненіи съ берлинскою военною академіею, только спеціальныя школы.

го прикомандированія, необходимыя способности и рвеніе, призываются генераломъ Мольтке въ Берлинь, въ управленіе генеральнаго штаба, причеиъ они сохраняютъ форму своихъ полковъ. Пребываніе въ управленіи генеральнаго штаба (1½, или 2 года) имѣетъ для ихъ будущей карьеры громадное значеніе, потому что тамъ они находятся какъ бы въ высшей спеціальной практической школѣ генеральнаго штаба, которой начальникъ самъ генераль Мольтке. Этотъ послѣдній, занимаясь съ ними, самъ узнаетъ и изучаетъ ихъ. Онъ постепенно знакомитъ ихъ съ работами всѣхъ шести отдѣленій управленія; устраиваетъ имъ совѣщанія, предлагаетъ писать на избранныя имъ темы, читаетъ и критически разбираетъ въ ихъ общемъ собраніи составленные ими труды, не объявляя однако имени автора, чтобы тѣмъ, съ одной стороны, не оскорблять менѣе развитыхъ, съ другой не подстрекать тщеславія болѣе способныхъ.

Послѣ пребыванія офицеровъ въ управленіи генеральнаго штаба, выборъ генерала Мольтке уже сдѣланъ, но безъ объявленія его офицерамъ. Въ послѣдній разъ, всѣ безъ различія офицеры отсылаются въ свои полки, въ которыхъ неизбранныя и остаются на службѣ; признанные же способными и достойными, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, производятся въ чинъ капитана и назначаются офицерами генеральнаго штаба.

Генераль Мольтке, какъ постоянный начальникъ штаба арміи, распредѣляетъ этихъ капитановъ, смотря по надобности. Однихъ онъ удерживаетъ въ управленіи генеральнаго штаба, употребляя ихъ для дѣятельности, къ которой они выказали особенную способность; другихъ же назначаетъ въ штабы армейскихъ корпусовъ и дивизій, гдѣ они знакомятся съ своею спеціальностію на практикѣ. Въ штабахъ остерегаются обременять офицеровъ письменною работою, отнимающею много времени. Эту работу исполняютъ унтеръ-офицеры и солдаты, только подъ наблюденіемъ офицеровъ, которые могутъ такимъ образомъ (совершенно обратно тому, что мы видимъ во Франціи) посвятить свое время на предметы болѣе полезныя и достойныя ихъ.

Послѣ двухъ или двухъ съ половиною лѣтъ, капитаны оставляютъ службу генеральнаго штаба и назначаются въ полки, только не въ тѣ, въ которыхъ они служили поручиками, чтобы тѣмъ устранить совмѣстное служеніе съ обойденными старыми товарищами. Въ полку, каждый изъ нихъ получаетъ въ командованіе роту, эскадронъ или батарею.

Послѣ двухъ лѣтъ службы въ войскахъ, они производятся, по выбору, въ штабъ-офицерскій чинъ, принимая опять званіе и форму

оффцера генеральнаго штаба. Генераль Мольте назначаетъ ихъ или въ штабы армій, или въ управленіе генеральнаго штаба.

Особенное вниманіе я обращаю на систему келитаній и постоянныхъ отищеній, которымъ подвергается прусскій корпусъ генеральнаго штаба. Если замѣчено, что чье-либо рвеніе или способности оказались несоотвѣтственными сдѣланному о немъ представленію, того не производятъ въ штабъ-офцерскій чинъ и оставляютъ въ арміи на востоянной службѣ.

Замѣчу еще, что наибольшее преимущество офцеровъ генеральнаго штаба заключается именно въ скоромъ ихъ производствѣ въ штабъ-офцерскій чинъ. Этимъ однимъ они выигрываютъ шесть или семь лѣтъ; при производствѣ же въ наштаны одинъ годъ; всего до восьми лѣтъ (*).

Достигнувъ перваго штабъ-офцерскаго чина, офцеры генеральнаго штаба, для дальнѣйшаго производства, преимуществъ не имѣютъ; но достойно замѣчанія, что они подчиняются тому же постоянному правилу, по которому, на всѣхъ степеняхъ іерархіи, могутъ быть произведены въ слѣдующій чинъ не иначе, какъ послѣ годичнаго пребыванія въ арміи. Такъ, за годъ до производства въ подполковники, начальникъ штаба получаетъ въ командованіе баталіонъ, нѣсколько эскадроновъ или нѣсколько батарей; точно также подполковникъ назначается командиромъ пѣхотнаго, кавалерійскаго или артилерійскаго полка за годъ до его производства въ полковники.

Слѣдовательно, эти офцеры не отвѣкаютъ ни отъ верховой вѣды, ни отъ командованія войсками.

Вышесказаннымъ не ограничиваются заботы объ образованіи отборнаго корпуса генеральнаго штаба. Офцеры, о которыхъ до сихъ поръ говорилось, выходятъ изъ одного источника: они — 12 учениковъ, выбранные изъ 40 принятыхъ въ академію, и изъ 120 изъ явившихъ желаніе въ нее поступить. Но, между многочисленными поручиками арміи, прослужившими три года, навѣрное есть достойныя личности, которыя, по какой-либо причинѣ, не изъявили желанія поступить въ академію; даже между 80 непринятыми могутъ встрѣтиться весьма способные. Не желая пренебрегать возможностью комплектовать генеральный штабъ хорошими офцерами изъ арміи, распоряжаются слѣдующимъ образомъ:

(*) Какъ и можно думать, такіе офцеры служатъ предметомъ зависти всѣхъ остальныхъ. Но это чувство очень ограничено, потому что большинство не можетъ не отдавать должнаго уваженія дѣйствительнымъ достоинствамъ офцеровъ генеральнаго штаба и изъ постояннымъ трудамъ.

Полковники арміи приглашаются представить командующимъ генераламъ, а эти генералу Мольтке, тѣхъ изъ офицеровъ, которые отличаются обширностію познаній, способностями и любовію къ военному дѣлу. Нужно замѣтить, что скорѣе приходится сдерживать, чѣмъ подстрекать командировъ корпусовъ въ ихъ стараніи выдвинуть своихъ офицеровъ и доставить имъ быстрое повышеніе. Генераль Мольтке посылаетъ указаннымъ офицерамъ нѣкоторые вопросы для разработки, задачи для разрѣшенія, и если признаетъ ихъ способными, то призываетъ къ себѣ, въ управленіе генеральнаго штаба. Здѣсь призванные должны представить доказательства своихъ достоинствъ, и тогда генераль Мольтке, переводя ихъ въ генеральный штабъ, даетъ имъ соответствующее назначеніе. Въ противномъ случаѣ, онъ отсылаетъ ихъ обратно въ полки.

Выше я уже сказалъ, какъ въ штабахъ армейскихъ корпусовъ и дивизій письменная работа, почитаемая безплоднымъ занятіемъ для офицеровъ, исполняется унтеръ-офицерами и солдатами, что позволяетъ офицерамъ употреблять ихъ время болѣе полезнымъ образомъ. Дѣйствительно, внѣ собственно — обязательной службы, генералы даютъ имъ для разработки нѣкоторые военные вопросы, а начальникъ штаба каждаго армейскаго корпуса ежегодно дѣлаетъ со всѣми офицерами, такъ-называемыя, путешествія или прогулки генеральнаго штаба, для увеличенія и утвержденія пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній. Съ офицерами управленія генеральнаго штаба путешествія дѣлаетъ самъ генераль Мольтке. Путешествія предпринимаются то въ одной провинціи, то въ другой, и продолжаются отъ пятнадцати дней до трехъ недѣль.

Понятно послѣ этого причины превосходства прусскаго генеральнаго штаба: 1) выборъ дѣлается изъ всей арміи, потому что къ испытанію приглашаются всѣ поручики; 2) въ него поступаютъ офицеры съ энергіею, способностями и честолюбіемъ.

Такимъ образомъ, отправляясь отъ идеи, что *офицеры генеральнаго штаба должны быть лучшими въ арміи офицерами*, и предоставляя офицерамъ этого корпуса преимущества въ производствѣ, Прусія составила корпусъ генеральнаго штаба самый просвѣщенный въ Европѣ. Чѣмъ болѣе я его сравниваю съ нашимъ, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь въ его превосходствѣ. Правда, въ нашемъ генеральномъ штабѣ много офицеровъ, ни въ чемъ не уступающихъ лучшимъ офицерамъ прусскаго генеральнаго штаба; но за то прусскій не имѣетъ посредственностей, тогда какъ мы считаемъ у себя многихъ, образованіе которыхъ ниже неудовлетворительнаго!.. Сколько у насъ такихъ

офицеровъ, которые даже не умѣютъ читать карту, не имѣютъ никакого понятія о сложныхъ маневрахъ всѣхъ родовъ оружія, вовсе неизучавшихъ кампаній новѣйшаго времени, наконецъ такихъ, которые не сумѣютъ выбрать бивуачнаго мѣста для пѣхотной бригады или кавалерійскаго полка (*) (намъ это было въ кампанію 1859 года)! Здѣсь нѣтъ ничего подобнаго: такихъ офицеровъ никогда бы не зачислили въ генеральный штабъ, а если бы они тамъ были, то ихъ тотчасъ же бы исключили.

Хотя до меня и не относится указаніе средствъ къ поднятію нашего корпуса генеральнаго штаба, тѣмъ не менѣе я тщетно ишу идею, положенной въ основаніе его организаціи. Выбираемъ ли мы, какъ въ Пруссіи, въ генеральный штабъ офицеровъ по ихъ превосходству передъ прочими? Нѣтъ. У насъ комплектованіе офицеровъ генеральнаго штаба предоставлено случайному экзаменному успѣху молодыхъ людей, 21 года отъ роду. Большую частію, мы беремъ въ нашъ генеральный штабъ офицеровъ, выпускаемыхъ изъ сентъ-сирскаго училища, по списочному старшинству.

Возможна ли, при такихъ условіяхъ, малѣйшая гарантія способностей разумной дѣятельности и любви къ дѣлу нашихъ офицеровъ, продолженіе всей ихъ службы? А вѣдь эти молодые люди — офицеры генеральнаго штаба и остаются ими до отставки. Если бы они, послѣ выхода изъ школы, не проявили ни малѣйшей любви къ своему дѣлу, никакого къ нему расположенія, если бы даже предавались лѣности и носѣли въ невѣжество — какое намъ дѣло! Мы все-таки возложили бы, во время войны, на этихъ тупыхъ и неспособныхъ офицеровъ обязанности, требующія наибольшей распорядительности, энергіи и самыхъ обширныхъ познаній!... Вотъ куда насъ приводятъ отсутствіе, въ организаціи, разумнаго начала. Какъ противоположно понимаютъ значеніе обязанностей офицеры генеральнаго штаба въ Пруссіи! Повторяю: тамъ извиняютъ лѣность и посредственность какого-нибудь офицера, но не офицера генеральнаго штаба. Не говоря уже о физически-немогущихъ, здѣсь не встрѣтишь, какъ во Франціи, офицеровъ, которые бы не были въ состояніи

(*) Меня могутъ заподозрить въ преувеличеніи; быть можетъ, скажутъ, что въ выборѣ мѣста для расположенія войскъ на отдыхъ и офицеры прусскаго генеральнаго штаба, небывавшіе на войнѣ, распорядятся не лучше нашихъ. Но это значило бы отрицать пользу путешествій генеральнаго штаба, дѣлаемыхъ учениками академіи, офицерами корпусныхъ штабовъ и управленія генеральнаго штаба, подъ руководствомъ генерала Мольтке — путешествій, во время которыхъ ставятся и разрѣшаются все вопросы относительно оцѣнки позицій, расположенія войскъ для отдыха, укрѣпленія позицій и проч?

проскандать верховъ на лошади одну или! Какъ очевидецъ дѣятельности прусскаго генеральнаго штаба, я утверждаю, что генералъ Мольтке тотчасъ же исключилъ бы изъ генеральнаго штаба неспособнаго къ верховой ѣздѣ. Онъ самъ подастъ примѣръ, не сходя съ лошади по цѣлымъ днямъ.

Вообще, во Франціи необходимо знать, что здѣсь *всѣмъ* озабочены доведеніемъ до превосходства организаціи всѣхъ гражданскихъ и военныхъ учрежденій, до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Въ особенности, заботы направлены на армію. Это—постоянное пражѣніе завѣщанія великаго Фридриха своимъ преемникамъ: «Прусія всегда должна быть на сторожѣ». Позволяя себѣ сдѣлать сравненіе съ конскими скачками, я скажу, что въ настоящее время Прусія находится, во всѣхъ отношеніяхъ, *на полномъ скаку*.

Мое намѣреніе заключается не въ томъ, чтобы указывать на недостатки организаціи и просвѣщенія нашего генеральнаго штаба, во въ простомъ объясненіи причинъ, поставившихъ прусскій генеральный штабъ выше нашего. Между тѣмъ, какъ не огорчаться положеніемъ многихъ нашихъ офицеровъ, проводившихъ лучшіе годы своей жизни въ канцеляріяхъ генеральнаго штаба, за письменной работой, которую одинаково хорошо можетъ исполнить и способный унтеръ-офицеръ! Сколько потерянныхъ способностей и безплодно потраченного времени! Какъ же удивляться тому, что наши офицеры служатъ предметами насмѣшекъ даже австрійскимъ военнымъ листкамъ, въ чемъ можно убѣдиться изъ нѣкоторыхъ номеровъ журнала «Kamrad», издаваемого въ Вѣнѣ. Газета эта называетъ многихъ нашихъ офицеровъ поросшими коромъ, величаетъ ихъ обязанности недостойными офицеровъ и смѣется надъ ихъ положеніемъ передъ войсками. Разумные прусскіе офицеры удивляются организаціи нашего генеральнаго штаба, но въ тоже время отдають полную справедливость нашей арміи, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Они не могутъ даже понять, какимъ образомъ одинъ удачный школьный экзаменъ можетъ сдѣлать, еще совсѣмъ молодаго человѣка, офицеромъ генеральнаго штаба. Они не допускають возможности, чтобы офицеръ генеральнаго штаба, въ случаѣ нужды, не могъ проскандать верховъ нѣсколько лье, чтобы онъ не говорилъ хотя на одномъ иностранномъ языкѣ, чтобы онъ никогда не командовалъ ни ротой, ни баталіономъ, ни полкомъ....

Слѣдуетъ ли намъ для нашего генеральнаго штаба принять прусскую систему? Очевидно, нѣтъ. Этому не позволяетъ наша система производства офицеровъ, совершенно отличная отъ прусской. Но одна

и та же задача очень часто имѣть нѣсколько рѣшеній, зависящихъ отъ основныхъ данныхъ.

Предполагая, что мы убѣдились въ необходимости улучшенія нашего генеральнаго штаба, первымъ вопросомъ слѣдуетъ оставить: должны ли мы считать неопровержимымъ основаніемъ организація то качество превосходства, какое Пруссія требуетъ отъ своего генеральнаго штаба? Стоитъ только признать эту истину и все остальное устроится просто.

Въ заключеніе моего доносенія, я повторяю, безъ преувеличеній и послѣ глубокаго изученія и зрѣлыхъ соображеній, что *составъ прусскаго генеральнаго штаба принесетъ Прусіи, во вся будущей войнѣ, громадную пользу.*

Во время пребыванія моего въ Богеміи, въ 1866 году, я пришелъ къ неопровержимому для меня убѣжденію въ томъ, что прусскія арміи своими успѣхами были обязаны, главнымъ образомъ, офицерамъ генеральнаго штаба. Можно сказать, не преувеличивая, что офицеры генеральнаго штаба одни управляли кампаніею 1866 года. Сколько бы я могъ рассказать случаевъ, въ которыхъ эти офицеры, главнаго ли управленія, штабовъ—ли армейскихъ корпусовъ, проявили на дѣлѣ самую замѣчательную вѣрность соображеній, высокія военныя способности и необыкновенную энергію? Не говоря уже о генералахъ Мольтке, Фохтсѣ-Ретцѣ, Блюменталѣ, офицеры самыхъ высокихъ достоинствъ находились, во время кампаніи, на службѣ въ I и во II арміяхъ. Какими драгоценными качествами и всесторонними познаніями были одарены офицеры генеральнаго штаба, находящіеся подъ ихъ начальствомъ! Какую увѣренность и спокойствіе даетъ главному начальнику генеральнаго штаба составъ офицеровъ способныхъ, просвѣщенныхъ и преданныхъ своему дѣлу!

Мое глубокое убѣжденіе я выражаю въ послѣдній разъ: *будемъ остерегаться прусскаго генеральнаго штаба.*

II.

ЗАМѢТКИ О ПРУССКИХЪ ВОЙСКАХЪ ВООБЩЕ.

Донесеніе 22-го іюня 1868 года.

Я бы желалъ представить нѣсколько очерковъ, которые могли бы обрисовать качества прусской арміи, духъ ее оживляющій, однимъ словомъ ея нравственное состояніе. Я убѣжденъ, что во Франціи живутъ въ полномъ невѣдѣніи относительно всего, что касается Пру-

сін, ея народа и арміи. Да и можетъ—ли быть иначе, если французская молодежь не получаетъ никакихъ познаній объ учрежденіяхъ современныхъ народовъ, ихъ характеръ и стремленія? Французовъ не учать серьезно ни одному иностранному языку, даже не стараются возбудить въ нихъ желанія учиться. Отсюда выходитъ, что одно поколѣніе смѣняетъ другое, ничего не зная о сосѣднихъ народахъ, за исключеніемъ развѣ того, что они существуютъ, исповѣдуютъ такую-то религію—и что ихъ главные города такіе-то и такіе. Напримѣръ, есть-ли во Франціи хоть одинъ человекъ, который бы слѣдилъ за столь любопытнымъ развитіемъ прусскаго народа съ 1815 года? Народъ, полной силы, удваивающій въ пятьдесятъ лѣтъ свое населеніе, укрѣпляющій зданіе своего гражданскаго устройства двумя великими общеобязательными началами: просвѣщенія и военной службы, и, опираясь на громадную армію съ образованнѣйшими офицерами въ свѣтъ, занимающій мѣсто въ первомъ ряду европейскихъ народовъ.... И такое зрѣлище остается незамѣченнымъ до 1866 года, когда этотъ народъ разоблачаетъ себя самъ. Тогда только мы начинаемъ изучать причины совершившихся великихъ событій; но способная и энергичная нація уже находится отъ Парижа въ девятидневномъ переходѣ, имѣетъ 30,000,000 населенія и располагаетъ миллиономъ солдатъ!

Представляя мои соображенія, вызванныя изученіемъ прусскаго народа, мнѣ кажется, я не могу подвергнуться упреку въ томъ, что выхожу изъ предѣловъ моего военного положенія: въ Прусіи, народъ и армія до такой степени слиты другъ съ другомъ, что качества одной слѣдуетъ искать въ другомъ. Прибавлю еще, что внимательный наблюдатель, живя въ Прусіи, можетъ ее узнать болѣе, чѣмъ всякій другой изъ цѣлыхъ томовъ описаній: никогда не узнаешь человека такъ хорошо, какъ живя съ нимъ. Мелочи, повидимому, ничего незначашія, иногда помогаютъ въ изученіи народа весьма много. Историческіе факты дополняютъ и подтверждаютъ составившееся мнѣніе. Каждый человекъ, безъ предубѣжденій и одаренный нѣкоторою проникательностью, безъ труда отличить качества, характеризующія сѣверо-германскій народъ: энергію, смѣлость и чувство собственнаго достоинства. Историческое изученіе подтверждаетъ эту оцѣнку. Впродолженіе ста лѣтъ, Прусія два раза удивляетъ свѣтъ. При Фридрихѣ Великомъ, едва насчитывая 4,000,000 жителей, она семь лѣтъ борется съ соединенными силами Австріи, Франціи и Россіи. Наполеонъ I, въ своихъ мемуарахъ, отдавая справедливость прусскому народу, признавалъ за нимъ непоколебимую энергію, которую ге-

идеальный король умѣлъ такъ искусно поддерживать и употреблять для достиженія великихъ цѣлей. Столѣтіе спустя, Пруссія, съ 19-миліоннымъ населеніемъ, во второй разъ привлекаетъ на себя взоры всѣхъ, поразивъ Австрію и ея союзниковъ. Никто не будетъ отрицать, что эти два совершившіеся факта доказываютъ, въ равной степени, смѣлость въ начертаніи плана и мужество въ его исполненіи. Въ промежуткѣ между двумя эпохами, прусская нація выдерживаетъ іенскую катастрофу. Ни одинъ періодъ ея исторіи не показываетъ такъ ясно ея энергіи. Пруссія уничтожена при Іенѣ; Наполеонъ отбрасываетъ ее за Эльбу, налагаетъ на нее разорительныя контрибуціи и, къ несчастію, прибавляетъ еще оскорбленіе, требуя содержанія не войска свыше 40,000. Тогда эта мужественная нація, склоняясь передъ необходимостью, но твердая въ рѣшимости освободить себя и отомстить, сосредоточивается въ себѣ самой и изучаетъ причины своего глубокаго несчастія. Лучшіе генералы, соединенные въ комисію, искореняютъ злоупотребленія и организуютъ армию на здоровыхъ началахъ; передовые люди возбуждаютъ повсюду патриотизмъ; вездѣ образуются тайныя общества; самые богатые люди подаютъ примѣръ пожертвованіямъ, предоставляя часть своихъ богатствъ въ распоряженіе государства. Поддерживаемое сочувствіемъ всей націи и увлекаемое энергичными людьми, правительство пользуется благопріятной минутой, сбрасываетъ съ себя оскорбительныя условія и, организовавъ безъ замедленія земскія силы, выставляетъ въ 1813 году 200-тысячную армию людей безпримѣрнаго воодушевленія и отмщаетъ Франціи съ ожесточенною ненавистью, слѣды которой не изгладились и до сихъ поръ.

Нельзя не восхищаться энергіей народа, для котораго уничтожающее бѣдствіе послужило источникомъ возрожденія. Эта мысль такъ вѣрна, что ее можно найти въ большей части прусскихъ сочиненій, относящихся до девятнадцатаго столѣтія. И я часто слышу ее отъ людей достойнѣйшихъ. «Франціи», говорятъ они, «мы обязаны своимъ пробужденіемъ и величіемъ. Іена насъ заставила подумать и мы воспользовались урокомъ».

Еще лучше можно судить объ энергіи народовъ сѣверной Германіи, сравнивая ихъ дѣятельность съ тѣмъ, что въ то же время происходило въ Австріи. Два раза, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, съ 1805 по 1809 годъ, громилъ ее Наполеонъ. Извлекла-ли она какое-нибудь правоученіе изъ своихъ невзгодъ? Чувствовала-ли она необходимость укрѣпить себя могучими учрежденіями? Нѣтъ. Этотъ любезный и симпатичный, но жадный до наслажденій, народъ продолжалъ жить въ рутинѣ, даже не питая, послѣ столькихъ оскорбленій,

лѣ своимъ побѣдителямъ чувства ненависти, столь присущаго во всемъ могучимъ народамъ. Во время войны въ Богеміи, театры и другія увеселительныя мѣста оставались открытыми, и народъ продолжалъ ихъ посѣщать, какъ въ обыкновенное время!... Въ случаѣ подобнаго бѣдствія въ Пруссіи, Берлинъ представлялъ бы совершенно противоположное зрѣлище. Я останавливаюсь на этихъ сравненіяхъ потому, что они рѣче выставляютъ твердыя и мужественныя качества прусскаго народа, которыхъ, повторяю, находятся и въ арміи.

Въ такихъ качествахъ слѣдуетъ еще прибавить: бдительность, любовь къ прогрессу и высокую способность принятія, что я постараюсь доказать въ слѣдующихъ сравненіяхъ, далеко неговорящихъ въ пользу Франціи. Въ послѣднія пятнадцать лѣтъ мы имѣли двѣ большія войны. Какую же пользу мы извлекли изъ нихъ въ военномъ отношеніи? Старались-ли мы усовершенствовать хоть одно изъ нашихъ учрежденій? Мы убажкивали себя, что все прекрасно, потому что оставались побѣдителями, сначала Россіи, потомъ Австріи. А что мы видимъ теперь въ Пруссіи?... Она также осталась побѣдительницею въ 1866 году. Заключила-ли она изъ этого, что устройство ея арміи достигло высшей степени совершенства? Нужно не знать прусскій народъ, жадный до усовершенствованія, чтобы допустить подобное предположеніе. Война 1866 года разсматривается прусскими офицерами какъ опытъ, въ которомъ были испробованы новыя военныя учрежденія. Многіе генералы нѣ говорили: «Съ 1815 года мы не вели большой войны, и такъ какъ наше устройство намъ казалось хорошимъ, то мы желали только испытать его на дѣлѣ. Но въ кампаніи 1866 года было сдѣлано много ошибокъ, и мы находимъ, что многое надо улучшить». И дѣйствительно, въ продолженіе двухъ лѣтъ, нѣдъ предлогомъ различныхъ усовершенствованій, здѣсь идетъ, безъ шума и хвастовства, но съ большимъ знаніемъ дѣла, энергичная работа. Въ военномъ министерствѣ, въ корпусныхъ штабахъ арміи, во всѣхъ родахъ оружія и администраціи, работаютъ, составленныя изъ бывшихъ на войнѣ офицеровъ, комисіи, занятія которыхъ заключаются въ подробномъ изученіи опыта 1866 года и въ принятіи выработанныхъ усовершенствованій ко всемъ отраслямъ военнаго устройства.

Позднѣе я войду во всѣ подробности преобразованій; здѣсь же ограничусь ихъ указаніемъ. Железно-дорожныя роты реорганизованы. Составъ походныхъ лазаретовъ измѣненъ. Команды для ухода за ранеными преобразованы. Преобразованъ военно-походный телеграфъ. Измѣненъ составъ парковыхъ колонъ резервной артилеріи.

въ предѣлахъ моихъ чисто-военныхъ обязанностей. Хотя продолжительное пребываніе въ Пруссіи дало мнѣ возможность близко слѣдить за германскими событіями, однако я не буду разсматривать вопроса о томъ: желательнo—ли вообще обезоруженіе или нѣтъ, при настоящемъ состояніи Европы? Я не буду изслѣдовать, въ силу какихъ основаній пражскій трактатъ, по общему мнѣнію въ Германіи, оказывается несостоятельнымъ. Въ предвидѣніи грядущихъ событій, Франція поставлена въ необходимость оставаться въ полномъ вооруженіи и зорко слѣдить за всѣмъ.

Я ограничусь изслѣдованіемъ значенія обезоруженія Пруссіи. Надѣюсь безъ труда доказать, что обезоруженіе будетъ только тогда дѣйствительно для Пруссіи, когда она согласится ивмѣнить всѣ основныя начала своихъ военныхъ учрежденій; другими словами: она не можетъ обезоружиться, даже если бы сама пожелала того. Всякое другое правительство, предложившее Пруссіи обезоруженіе, показало бы тѣмъ только свое полное невѣдѣніе относительно военной организаціи и коренныхъ учрежденій этого государства.

Я постараюсь выяснитъ, почему Пруссія, принявъ за основаніе военной службы общеобязательность для всѣхъ гражданъ, не можетъ обезоружиться безъ уничтоженія или ослабленія этого начала, и почему она никогда и не подумаетъ прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ уничтоженіе или ослабленіе общеобязательности военной службы. Какъ логическій отсюда выводъ, вытекаетъ заключеніе, что Пруссія поставлена въ невозможность выполнить обезоруженіе.

Пруссія не можетъ обезоружиться, не нарушивъ начала обязательной службы. Это положеніе несомнѣнно для каждаго, знакомаго съ военною организаціей Пруссіи.

Въ одномъ изъ моихъ донесеній я уже говорилъ, что вообще довольно трудно дать удовлетворительное опредѣленіе слова «обезоруженіе», и что во всякомъ случаѣ оно не имѣетъ одинаковаго значенія для различныхъ державъ, потому что между этими послѣдними нѣтъ даже двухъ съ одной и той же военною организаціей. Выискивая въ словѣ «обезоруженіе», точнаго опредѣленія, приложимаго ко всѣмъ государствамъ, можно найти развѣ слѣдующее: уменьшеніе числительности готовыхъ къ войнѣ людей. Обезоруженіе будетъ частное, если числительность только уменьшается; оно будетъ полное, если государство совсѣмъ прекращаетъ обученіе солдатъ и сохраняетъ лишь родъ жандармеріи для внутренней службы. Въ этомъ смыслѣ легко понять, что обезоруженіе для Франціи, Италіи, Англіи, Россіи и проч. заключается въ уменьшеніи этими державами цифры ежегоднаго контингента, по-

тому что, такимъ образомъ, онѣ уменьшаютъ число обученныхъ къ войнѣ людей, слѣдовательно до нѣвѣстной степени обезоруживаются.

Ничего подобнаго не можетъ случиться въ Пруссіи, гдѣ цифра ежегоднаго контингента не зависитъ отъ вотирования палатъ или отъ воли государя, а опредѣлена разъ навсегда основнымъ и неизмѣннымъ закономъ. По параграфу 1-му закона о военной службѣ «каждый гражданинъ Сѣверной Германіи обязанъ военной службой и не можетъ себя замѣстить въ исполненіи этого долга». По этому закону, ежегодно, всѣ граждане, признанные способными къ службѣ, поступаютъ въ армію. Обязательность службы для нихъ начинается 1-го января того года, въ который имъ исполняется двадцать лѣтъ, и продолжается съ 1-го октября того же года двѣнадцать лѣтъ, изъ которыхъ семь лѣтъ въ дѣйствующей арміи и пять лѣтъ въ ландверѣ.

Семилѣтняя служба въ дѣйствующей арміи раздѣляется на трехлѣтнюю подъ знаменемъ и четырехлѣтнюю въ резервѣ.

Благодаря этимъ основаціямъ организаціи, Сѣверо-Германскій Союзъ располагаетъ двѣнадцатью контингентами, всего численностью болѣе 900,000 человекъ:

Дѣйствующей арміи . . .	}	3 контингента подъ знаменемъ	315,000	}	625,000
Ландвера . . .		4	резерва 310,000		
		5			330,000
Всего 12 контингентовъ, численностью въ					955,000.

Какъ же можетъ быть обезоруженъ Сѣверо-Германскій Союзъ, при условіи сохраненія общеобязательной службы? Очевидно ли, что, какъ бы ни уменьшали число лѣтъ службы, совокупность военныхъ силъ Союза всегда будетъ состоять изъ двѣнадцати послѣдовательныхъ контингентовъ? Уменьшеніе числа лѣтъ службы никоимъ образомъ не будетъ выражать обезоруженія. Напримѣръ, если бы это число было уменьшено на десять, т. е. люди служили бы въ ландверѣ три года вмѣсто пяти лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, въ случаѣ войны, оба послѣднихъ два класса ландвера были бы призваны, въ силу закона, созывающаго въ такомъ случаѣ на службу всѣхъ гражданъ до 42-лѣтняго возраста. Съ другой стороны, въ экономическомъ отношеніи, уменьшеніе не дастъ дѣйствительнаго сокращенія въ военномъ бюджетѣ, потому что содержаніе ландвера обходится почти въ ничто.

Сохраняя начало общеобязательной службы, Пруссія могла бы, для содержанія подъ знаменемъ меньшаго числа людей и уменьшенія военныхъ расходовъ, сократить первые три года службы подъ знаменемъ, напримѣръ на два года, увеличивая въ то же время службу

въ резервъ съ четырехъ на пять лѣтъ. Соответствовало ли бы это измѣненіе оборудованію, въ общепринятомъ смыслѣ? Очевидно, нѣтъ. Северо-Германскій Союзъ располагалъ бы тѣми же двѣнадцатью контингентами, численностью въ 950,000 человекъ. Единственнымъ послѣдствіемъ измѣненія было бы ослабленіе военнаго обученія этихъ 950,000 человекъ.

Такимъ образомъ, здѣсь можно сдѣлать замѣчаніе о Пруссіи, которая, вълѣдствіе своей особенной организаціи, можетъ сокращать свою армию подъ знаменемъ и уменьшать военный бюджетъ, правда съ ослабленіемъ ея военнаго обученія, но безъ оборудованія. Бстаети прибавлю, что прусское правительство, въ продолженіи десяти лѣтъ, упорно отказывало домогательству начать сократить срокъ службы подъ знаменемъ. Въ дѣйствительности, этотъ срокъ для пѣхоты не превышаетъ двухъ съ половиною лѣтъ, и, только благодаря рвенію и усиленнымъ стараніямъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, солдаты приобретаютъ достаточное обученіе. Всѣ военные авторитеты находятъ невозможнымъ уменьшить законный трехлѣтній срокъ въ особенноти относительно кавалеріи и артиллеріи; съ своей стороны, правительство, кажется, твердо рѣшилось не дѣлать уступки, несмотря на недавно поданный примѣръ Баденомъ и Виртенбергомъ, сократившихъ срокъ дѣйствительной службы на два года.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ признать, что Пруссія не можетъ себя оборудовать, если хочетъ ненарушимо сохранить начало общеобязательной службы, и что она будетъ въ состояніи себя оборудовать лишь при отиѣнѣ этого начала. Согласившись на послѣднее, она вошла бы въ общія условія всѣхъ другихъ государствъ, и для своего оборудованія должна была бы призывать въ ряды арміи не весь контингентъ способныхъ молодыхъ людей, а только его часть.

Но я покажу, что Пруссія не можетъ и никогда не согласится на уничтоженіе или нарушеніе начала общеобязательной повинности.

Пруссія не можетъ ни уничтожить, ни измѣнить начала общеобязательной службы. Было ли бы разумно думать, чтобы нація добровольно согласилась отказаться отъ плодотворнаго начала, ею принятаго въ основаніи своихъ учрежденій и уже послужившаго къ развитію ея силы и могущества? Обязательная служба, вмѣстѣ съ обязательнымъ обученіемъ, настойчиво выдержанными съ 1815-го года, медленно и неважно вели Пруссію къ умственному и нравственному развитію, и сдѣлали ее самою просвѣщенною и дисциплинированою въ Европѣ націей, и въ одинъ день, разомъ, выдвинули на первый планъ между державами. А теперь, когда Пруссія при-

нимаетъ еще народное голосованіе, кто можетъ предсказать, гдѣ закончится судьба этого образованнаго, энергичнаго и честолюбиваго народа, у котораго три великія начала—*обязательная военная служба, обязательное обученіе и народное голосованіе*—служать непоколебимымъ основаніемъ его учрежденій.

Но дѣйствительно ли есть элементъ силы при началѣ обязательной службы, и содѣйствовало ли это начало возвышенію Пруссіи? На эту тему можно было бы написать цѣлое сочиненіе. Если на общеобязательную службу смотрѣть какъ на основаніе военной организаціи, она можетъ быть еще ослабляема, потому что военная организація, основанная и не на этомъ основаніи (напримѣръ, организація Франціи), даетъ средства къ образованію не менѣе грозной арміи. Но другая сторона меня болѣе интересуеетъ, именно: я желаю взглянуть на общеобязательную службу относительно ея вліянія на характеръ націи, на ея образованіе, на ея нравы; и мнѣ кажется, что, съ этой точки зрѣнія, значеніе общеобязательности неоспоримо.

Нижеслѣдующія соображенія составляютъ самую трудную часть моей работы: здѣсь мнѣ приходится говорить о предметахъ, почти незнакомыхъ иностранцу и совершенно неизвѣстныхъ во Франціи, о предметахъ трудно доступныхъ нашему пониманію—на столько нашъ національный духъ развитъ отъ нѣмецкаго. Для ихъ лучшей оцѣнки, необходимо пожить въ Германіи, говорить языкомъ страны, изучать и сравнивать: словомъ, жить жизнью націи.

Съ моей точки зрѣнія, я желаю послѣдовательно показать, какъ создатели военной прусской организаціи выработали изъ началъ общеобязательной службы не только основы къ созданію арміи, но и *учрежденіе социальное*. Такого двойнаго характера нѣтъ ни въ одной арміи Европы.

Въ другихъ странахъ, армія составляется изъ континентовъ, въ составъ которыхъ входитъ только часть всего числа способныхъ молодыхъ людей. Армія стоитъ отдѣльно отъ націи. Это машина войны, назначенная для охраны отъ посягательствъ, для боя за интересы и величіе государства. Другими словами—это мечъ націи. По самому составу своему, она не имѣетъ и не будетъ имѣть другаго назначенія, другаго характера.

Въ Пруссіи, армія, организованная на началѣ общеобязательной службы, имѣетъ, кромѣ значенія машины войны, еще свой отличительный характеръ. Она служитъ для всѣхъ способныхъ гражданъ, безъ изъятія, школою нравственности, покорности государю, влѣ-

стигъ и закону, и вообще житейской дисциплины. Могутъ возразить, что и другія европейскія арміи имѣютъ въ различныхъ степеняхъ тотъ же характеръ. Я отвѣчу, что такой характеръ былъ данъ *разомъ* прусской арміи создателями ея организаціи, съ генераломъ Шарнгорстомъ во главѣ.

Этотъ знаменитый человекъ, а за нимъ генералъ Бойенъ и другіе образователи военной организаціи, устанавливая общеобязательность службы, хотѣли, чтобы армія была не однимъ военнымъ учрежденіемъ, а еще и школою, въ которой бы всѣ подданные монархіи, съ самыхъ независимыхъ по положенію и по богатству до самыхъ бѣдныхъ и стѣсненныхъ, уравнивались въ общей для всѣхъ трехлѣтней жизни въ рядахъ арміи и заимствовали бы въ ней священныя понятія: послушанія государю и властямъ, чести, нравственности и долга на всю свою жизнь.

Эти великія идеи сдѣлались предметомъ оживленныхъ споровъ разныхъ комисій, назначенныхъ для разработки закона организаціи арміи, и вошли во всѣ сочиненія о военныхъ учрежденіяхъ. Я и теперь постоянно ихъ слышу въ моихъ разговорахъ съ образованными офицерами.

Создатели организаціи, при своемъ глубокомъ знаніи нѣмецкаго характера, сразу увидѣли, какую пользу можно извлечь, для физическаго и нравственнаго благосостоянія націи, изъ насильственнаго соединенія всѣхъ способныхъ молодыхъ людей. Собираемые въ возрастѣ, способномъ къ развитію здоровымъ трудомъ и упражненіями, молодые граждане должны были проводить на службѣ три года — срокъ достаточно короткій, чтобы не опасаться праздности, легко развивающейся отъ продолжительной военной службы мирнаго времени. Великіе дѣятели поняли, что, для серьезнаго, послушнаго, кроткаго, съ высокимъ понятіемъ о долгѣ, народа, три года могутъ быть съ пользою употреблены для развитія этихъ качествъ и ихъ утвержденія на всю жизнь.

Замѣчательно, что эти идеи не остались втунѣ. Напротивъ, онѣ глубоко проникли въ армію и націю, гдѣ оказали и оказываютъ въ настоящее время самое благотворное вліяніе. Чтобы сдѣлать изъ арміи не только военную школу, но и школу нравственности, образованія и усовершенствованія, въ Пруссіи не пренебрегаютъ ничѣмъ, и армія, дѣйствительно, явилась дополненіемъ тѣхъ воспитательныхъ и образовательныхъ заведеній, въ которыхъ молодые люди образуются еще до поступленія на службу.

Ни въ одной арміи не заботятся такъ о тѣлесныхъ упражненіяхъ,

о плаваніи, о верховой ѣздѣ, о фехтованіи и особенно о гимнастикѣ, какъ въ Пруссіи. Ни въ одной арміи бесѣды и всевозможные курсы не ведутся ни такъ послѣдовательно, ни въ такомъ большомъ числѣ: бесѣды и чтенія для офицеровъ, курсы для унтеръ—офицеровъ и солдатъ; нигдѣ не поддерживаются и не развиваются идеи чести и достоинства такъ, какъ это дѣлается здѣсь, благодаря серьезному и просвѣщенному корпусу офицеровъ, лучшихъ людей націи. Не нужно забывать, что самая способная часть текущихъ поколѣній подчиняется на три года дѣятельности, развивающей въ нихъ нравственными и физическія стороны, и только тогда можно легко уяснить себѣ тѣ выгоды, какія приносятъ странѣ ея система.

Достоинства выработанныхъ началъ до такой степени всѣми признаны неоспоримыми, что, въ настоящее время, въ Пруссіи о нихъ говорятъ какъ объ истинахъ самыхъ обыкновенныхъ. Всѣ спеціальныя сочиненія упоминаютъ ихъ и комментируютъ. Всѣ гордятся своимъ учрежденіемъ, основаннымъ на началѣ всеобщаго обязательности военной службы и принесшимъ:

Развитіе здоровья и физической силы всѣхъ способныхъ людей страны, развитіе особенно благоприятное для низшихъ классовъ.

Невозможность вступленія въ бракъ молодыхъ людей ранѣе 24-лѣтняго возраста.

Соприкосновеніе между собою гражданъ разныхъ классовъ націи втеченіе трехъ лѣтъ и взаимное благотворное вліяніе этого соприкосновенія, въ эпоху вступленія человека на житейское поприще.

Упражненіе въ гражданскихъ добродѣтеляхъ: бережливости, послушаніи закону, дисциплинѣ, уваженіи власти, чувствѣ долга и прочее.

Прибавлю, что въ Пруссіи опредѣленія, въ родѣ слѣдующихъ, сдѣланы народными:

«Армія есть школа, заканчивающая воспитаніе другихъ школъ и прилагающая его къ потребностямъ практической жизни».

«Армія сдѣлала гораздо болѣе для освобожденія низшихъ классовъ, чѣмъ всѣ законы».

«Пруссія военными учрежденіями даетъ въ распоряженіе короля для войны всѣ нравственныя силы страны», и пр. и пр.

Къ этимъ опредѣленіямъ присоединяютъ еще фразы, отличающіяся глубокимъ смысломъ, напримѣръ: «прусская армія—вооруженная нація»... «Пруссія—не страна имѣющая армію, а армія владающая страной».

Нужно признаться, что чѣмъ лучше изучаешь учрежденія и историю Пруссіи, тѣмъ болѣе признаешь громадное значеніе ея военной

организации, именно начала всеобщей военной службы, в могущественном развитии способностей нации, ее энергии и просвещения. Даже учреждение годичных вольноопределяющихся, заставляя молодых людей высших и средних классов серьезно заниматься, возвышает мало по малу уровень общественного образования. Известно, что молодые люди, желающие воспользоваться преимуществом однолѣтней службы, обязаны держать предварительный экзаменъ; но число лицъ принимаемыхъ на этихъ правахъ ограничено, и на одинъ годъ службы поступаютъ только болѣе способные люди. Въ результатѣ отъ соревнованія выигрываетъ развитіе образованія вообще. Эта истина ясно доказывается слѣдующимъ.

Въ 1867 году уровень образованія вновь присоединенныхъ къ Пруссіи провинцій былъ значительно ниже уровня старыхъ провинцій, а въ 1869 году всѣ экзаменныя комисіи для однолѣтнихъ вольноопредѣляющихся присоединенныхъ провинцій донесли, что въ продолженіе трехъ лѣтъ уровень образованія замѣтно поднялся.

Какъ не испытывать тягостнаго чувства, при сравненіи всего этого съ тѣмъ, что дѣлается во Франціи? Пусть дѣлаютъ у насъ ежегодныя перечисленія всѣхъ двадцатилѣтнихъ молодыхъ людей, непобязанныхъ службою: въ общемъ числѣ, сколько найдется праздношатающихся и невѣждъ, которыхъ существованіе не приноситъ государству ни малѣйшей пользы? Сколько потерянной силы... и какой силы! какъ говорятъ въ Пруссіи.

Если я успѣлъ выяснитъ, что примѣненіе начала всеобщей военной службы послужило для Пруссіи элементомъ силы и величія, то каждый пойметъ, какимъ образомъ эта держава, опираясь на начало обязательнаго обученія, возвысилась до того положенія, въ которомъ находится въ настоящее время.

А такъ какъ Пруссія хорошо понимаетъ, чѣмъ обязана своимъ началамъ, то утвердительно можно сказать, что она, ни въ какомъ случаѣ, не согласится ни уничтожить, ни измѣнить ихъ; слѣдовательно, во что бы то ни стало, сохранить основу своей военной организации—всеобщую военную службу.

Заключеніе. Если, съ одной стороны, Пруссія не можетъ обезоружиться иначе, какъ отказавшись отъ всеобщей военной службы, а съ другой отказаться отъ нея никогда не согласится, то слѣдуетъ заключить, что Пруссія находится въ невозможности обезоружиться.

Быть можетъ, скажутъ: «если Пруссія находится въ невозможности обезоружиться, то другія государства вынуждены содержать многочи-

сленныя арміи и асигновать на ихъ содержаніе разорительные бюджеты? Такое положеніе не можетъ быть принято; государства Европы желаютъ мира и не могутъ разоряться на постоянныя издержки, въ предвидѣніи войны и прочее...» Отвѣчать на эти вопросы не моя обязанность, и потому просто замѣчу, что Прусія, благодаря своимъ учрежденіямъ, находится въ условіяхъ, во многихъ отношеніяхъ наимыгоднѣйшихъ.

Такъ, напримѣръ, начало общеобязательности службы даетъ ей возможность сокращать расходы военнаго бюджета, не обезоруживаясь, т. е. не прекращая обученія военному дѣлу годныхъ для службы людей.

Возможность заключалась бы въ уменьшеніи только для пѣхоты срока службы подъ знаменемъ, не офиціального трехлѣтняго, а дѣйствительно проводимаго подъ знаменемъ, обыкновенно непревышающаго двухъ лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и въ отсылкѣ людей домой, по мѣрѣ того, какъ они приобрѣтали достаточное обученіе.

Во всякомъ случаѣ, прусаки даже и не допускаютъ возможности, чтобы отъ Прусіи могли потребовать обезоруженія; каждый изъ нихъ знаетъ, что ихъ самое жизненное учрежденіе—общеобязательная военная служба—дѣлаетъ обезоруженіе невозможнымъ.

Эта невозможность обезоруженія Прусіи вызываетъ на важныя размышленія. Почти съ ужасомъ думается, что у нашихъ дверей мы имѣемъ могущественную соперницу, которая находитъ насъ, по меньшей мѣрѣ, неудобными, и имѣетъ, благодаря своей организаціи, болѣе 900,000 солдатъ, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ. Настоячиво повторяю: *опытныхъ въ военномъ дѣлѣ*, потому что здѣсь рѣчь идетъ не о національныхъ гвардейцахъ, подвижныхъ и неподвижныхъ, а о солдатахъ трехлѣтней дѣйствительной службы или уволенныхъ, по прослуженіи срока, и собираемыхъ на ежегодныя ученія, до 32-лѣтняго возраста.

Какъ же мы будемъ бороться, имѣя нѣсколько сотенъ тысячъ чловѣкъ нашей арміи противъ двойной, даже тройной арміи, такъ прочно устроенной? Каждый разъ, какъ подумаешь о вопросѣ европейскаго обезоруженія, спрашиваешь себя: *не будутъ-ли вынуждены Франція и друія великія державы, рано или поздно, принять прусскія начала военной организаціи*, единственныя дозволяющія достигать до такой значительной числительности, какою располагаетъ Сѣверо-Германскій Союзъ. Эти начала, къ чести Прусіи, основаны на справедливости, на нравственности и на истинномъ равенствѣ.

Возраженія. Во Франціи, многіе находятъ, вслѣдствіе своего не-

Увеличена кавалерія. Обращено особенное вниманіе на фехтованіе кавалеріи. Организованъ фортификаціонный комитетъ. Организованы ремонтныя комисіи. Создана образцовая кузница. Сдѣланы измѣненія въ образованіи кавалерійскихъ войскъ. Основаны двѣ новыя военныя школы, два кадетскихъ корпуса и школа для унтеръ-офицеровъ.

Кромѣ того, разрабатываются: основанія военно-телеграфной и желѣзно-дорожной школъ; служба маркитантовъ, для лучшаго обезпеченія войскъ продовольствіемъ во время похода, и, наконецъ, важный вопросъ объ обозѣ арміи.

Здѣсь же можно упомянуть о слѣдующихъ работахъ: новое раздѣленіе территоріи Сѣверо-Германскаго Союза на округа ландверныхъ баталіоновъ; улучшеніе солдатскаго быта; увеличеніе жалованья офицерамъ.

Пусть сравнятъ эти работы, плоды приобрѣтеннаго опыта въ счастливой войнѣ, съ тѣмъ, что сдѣлано у насъ, во Франціи, послѣ войнъ крымской и италіанской, и всѣ будутъ поражены рѣзкимъ различіемъ.

Вообще, простирающаяся на всю армію дѣятельность Пруссіи, относительно-ли министерскихъ работъ, дѣлъ-ли комисій или штабовъ, общаго-ли обученія войскъ, маневровъ и прочаго — изумительна. Чтобы понять эту неутомимую дѣятельность, надо помнить отличительныя качества прусской націи: чувство долга, прилежаніе и глубокую любовь къ труду.

Но всѣ эти причины, вліяющія на образованіе кипучей дѣятельности, были бы недостаточны, если бы самъ король не принималъ во всемъ личнаго участія. Это обстоятельство довольно любопытно, но мало извѣстно иностранцамъ. Прусскій король, относительно своей арміи, занимаетъ положеніе неизвѣстное въ другихъ странахъ, исключая, можетъ быть, Россіи: онъ, въ полномъ смыслѣ, главный ея начальникъ. Нынѣ царствующій король имѣетъ къ военному дѣлу такое сильное пристрастіе, что многіе изъ самыхъ преданныхъ ему людей ставятъ это ему въ упрекъ. Во время воздававшихся удивленному прусскому королю Гаусманомъ почестей отъ города Парижа, въ выставку 1867 года, мнѣ случилось ѣхать къ каретѣ съ генераломъ Мольтке. Извѣстно, что этотъ генералъ говоритъ только то, что думаетъ. «Я очень радъ, что король видѣлъ всѣ великолѣпія Парижа», обратился онъ ко мнѣ: «онъ занимается только одною арміею, а сегодня могъ удостовѣриться, что государь, не пренебрегая своей арміею потому что ваша армія превосходна — можетъ интересоваться всѣмъ, касающимся увеличенія славы

своего народа. Мнѣ, быть можетъ, позволительно, чѣмъ всякому другому, такъ говорить, потому что не мнѣ жаловаться на предпочтеніе короля къ арміи». Говори такимъ образомъ, генераль, конечно, не подумавъ, что человѣкъ, достигшій 72-хъ лѣтъ, не мѣняетъ своихъ вкусовъ и симпатій. И дѣйствительно, король остался тѣмъ, чѣмъ былъ до посѣщенія Парижа въ 1867 году: онъ занимается арміей съ тѣмъ же предпочтеніемъ, и страсть его къ военнымъ дѣламъ не уменьшилась.

Всегда любезный и благосклонный, онъ умѣетъ придавать своей страсти увлекательный и сообщительный характеръ. Еще принцемъ, онъ болѣе двадцати лѣтъ посвящалъ все свои заботы арміи. Будучи регентомъ, въ продолженіе десяти лѣтъ, и вступивъ потомъ на престолъ, въ 1861 году, онъ пользовался своею властью для приведенія въ исполненіе проектовъ, заранее составленныхъ и изученныхъ. Всѣми реформами, введенными въ арміи въ послѣдніи пятнадцать лѣтъ, въ особенности преобразованіемъ 1860 года, обязаны королю. Онъ одинъ, своею безграничною дѣятельностью, довелъ армію до степени увлеченія, мною описаннаго. Личное вліяніе короля на армію такъ велико, что, при другомъ правителѣ, пружины этой громадной машины неминуемо должны ослабѣть. Известно, какъ король, несмотря на свои преклонныя лѣта, дѣятеленъ и неутомимъ. Пруссаки въ шутку говорятъ, что это дѣло желудка, какъ у всѣхъ гогенцолерновъ. Всякій день, нѣсколько часовъ онъ работаетъ или съ военнымъ министромъ, или съ генералами Мольтке и Тресковымъ. Чтобы удостовѣриться, что я не преувеличиваю, стоить только посмотрѣть «Сѣверо-Германскую Газету», и остановиться на придворномъ отдѣлѣ, гдѣ отдается отчетъ въ ежедневныхъ занятіяхъ короля. Отдѣлъ довольно однообразенъ; вѣтъ дня, когда бы вы не встрѣтили стереотипныя фразы: король работалъ съ военнымъ министромъ, король совѣщался съ начальникомъ штаба и прочее.

Съ другой точки зрѣнія, на короля можно смотрѣть, какъ на постоянного генераль-инспектора. Въ февралѣ каждого года, когда рекруты прошли трехмѣсячное обученіе, король начинаетъ свои смотры въ Берлинѣ, Потсдамѣ и Шпандау, гдѣ гвардія содержитъ гарнизоны.

Зимой онъ инспектируетъ даже отдѣльныя роты войскъ: такъ, въ этомъ году, въ страшный холодъ, онъ отправился въ Потсдамъ, чтобы, по обыкновенію, сдѣлать самый подробный смотръ двумъ ротамъ полковъ, которыхъ состоитъ шефомъ. При этомъ случаѣ, послѣдній принцъ обратился ко мнѣ со словами: «не правда-

ли, какъ король исключителенъ въ этомъ отношеніи! не знаю, достаточно-ли у меня на это столько мужества». Потому король инспектируетъ всё 27 гвардейскихъ баталіоновъ; далѣе идутъ полковые смотры; въ маѣ бригадные.

Такимъ образомъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, передъ глазами короля проходятъ вся гвардія, и онъ лично можетъ слѣдить за ея совершенствованіемъ. Смотры, въ строгомъ смыслѣ, не входятъ въ эти осмотры.

Такъ какъ гвардейская пѣхота расположена въ Берлинѣ, въ Потсдамѣ и въ Шпандау, кавалерія въ Берлинѣ и въ Потсдамѣ, то король переѣзжаетъ изъ одного мѣста въ другое и, каждую зиму, дѣлаетъ восемь смотровъ—парадовъ, изъ нихъ три для пѣхоты: одинъ въ Берлинѣ, одинъ въ Потсдамѣ, одинъ въ Шпандау; четыре для кавалеріи: два въ Берлинѣ и два въ Потсдамѣ (по разу въ шпешекъ и въ конномъ строю); одинъ день для артилеріи и одинъ для піонеровъ. Кромѣ того, король осматриваетъ стрѣлковую школу въ Шпандау, учебный баталіонъ въ Потсдамѣ и команду для ухода за ранеными въ Берлинѣ.

Здѣсь же я упомяну о собраніяхъ «военнаго общества» въ Берлинѣ, развѣ каждыя двѣ недѣли, въ которыхъ очень часто присутствуетъ король, для поощренія въ офицерахъ любви къ наукѣ и труду.

На смотры и парады короля сопровождаютъ принцы, генералы и цѣлая свита офицеровъ, иногда даже министры и чиновники числящіеся въ ландверѣ. Представьте себѣ короля, всегда внимательнаго и любевнаго, полнаго увлеченія и пріятнаго расположенія духа, и вы поймете, какое возбуждающее дѣйствіе онъ имѣетъ на всѣхъ, отъ генерала до солдата.

Въ нынѣшнюю зиму я сопровождалъ короля болѣе двадцати разъ. Въ послѣдній разъ, въ іюнѣ, мы были въ Потсдамѣ на празднованіи учебнаго баталіона въ день его основанія. Король съ королевой, принцами и привесами бываетъ на этомъ праздникѣ каждый годъ и придаетъ ему особенное значеніе, потому что праздникъ ставитъ его въ соприкосновеніе со всей арміей.

Извѣстно, что учебный баталіонъ составленъ изъ солдатъ всѣхъ пѣхотныхъ полковъ, отъ каждаго по пяти или шести человекъ. Всѣмъ этимъ людямъ приходится служить болѣе трехъ лѣтъ. Лѣтнее время они проводятъ въ учебномъ баталіонѣ, а на зиму возвращаются въ свои полки.

Цѣль учрежденія баталіона состоитъ въ введеніи въ армію единства

обмундированія и обученія; но большинство офицеровъ, съ которыми я говорилъ объ этомъ предметѣ, отрицаютъ дѣйствительность мѣры и охотно видѣли бы уничтоженіе баталіона, если бы его организація не имѣла въ то же время болѣе высокой цѣли—сблизить, въ нѣсколько мѣсяцевъ, людей разныхъ полковъ, а главное—дать королю случай войти въ личное отношеніе съ представителями всей арміи. Его величество не упускаетъ изъ виду ничего, что можетъ придать празднику торжественность. Въ этотъ день бывають божественная служба, смотръ баталіона, парадный обѣдъ и увеселенія до вечера; король и королева, принцы и принцессы сѣшиваются съ солдатами и раздѣляютъ ихъ трапезу.

Вышесказанное можетъ дать понятіе о дѣятельности короля во время зимы и весны; но и осенью она не уменьшается.

Оканчивая объясненіе причинъ высокаго одушевленія арміи, прибавлю, что королю помогаютъ принцы и корпусные командиры, дѣйствующие очень усердно, чтобъ заслужить королевскую благодарность. Каждый изъ нихъ инспектируетъ подвѣдомственную ему часть обыкновенно въ іюль. Наслѣдный принцъ только что окончилъ инспектированіе 2-го корпуса, принцъ Фридрихъ-Карлъ 3-го. Цѣль смотровъ состоитъ въ томъ, чтобы удостовѣриться въ степени *готовности войскъ къ войнѣ*; по всемъ же остальнымъ предметамъ, главные начальники относятся къ генераламъ, состоящимъ подъ ихъ начальствомъ, а тѣ, въ свою очередь, къ полковымъ командирамъ, которые имѣютъ совершенно другія обязанности и отвѣтственность, чѣмъ полковники французской службы.

Сопровождавшіе наследнаго принца и принца Фридриха-Карла, въ ихъ смотрахъ, офицеры сообщили мнѣ свѣдѣнія, во всехъ отношеніяхъ сходныя съ тѣми, которыя я самъ могъ собрать, присутствуя на ученіяхъ гвардейскихъ войскъ въ Берлинѣ и его окрестностяхъ. Вездѣ та же дѣятельность, тѣ же правила, основанныя на той роли, какую играютъ войска на войнѣ. Учителя пѣхота на всякой мѣстности, какая случится; стрѣляетъ она въ разнообразныхъ мѣстахъ; кавалерія упражняется въ рекогносцировкахъ и въ аванпостной службѣ; стрѣльба артилеріи производится съ часто-переменяемыхъ позицій и въ разнообразныя цѣли, чтобы приучить офицеровъ къ оцѣнкѣ дистанцій и управленію стрѣльбой; кавалерія и артилерія упражняются въ преодоленіи различныхъ препятствій: рововъ, земляныхъ насыпей и заборовъ.

Изъ корпусныхъ командировъ, самый дѣятельный—командиръ 3-го корпуса, принцъ Фридрихъ-Карлъ. Такъ же страстно, какъ и король,

привязанный къ военному искусству, онъ успѣлъ внушить войскамъ своего корпуса одушевленіе и полное къ себѣ довѣріе.

Надѣюсь, что всѣ эти подробности достаточны для оцѣнки царствующей здѣсь дѣятельности. Наблюдателю Пруссія представляетъ такое зрѣлище: съ одной стороны нація, полная силы и энергіи, образованная какъ ни одна изъ остальныхъ въ Европѣ, надѣленная благородными и твердыми качествами, честолюбивая до крайности, смѣлая и сплоченная во-едино; съ другой — человекъ, впродолженіе двадцати лѣтъ какъ принцъ и десяти какъ регентъ и король, употребляющій съ постоянствомъ и страстью всѣ свои старанія на армию и дѣлающій изъ нея грозное орудіе.

Это зрѣлище такъ поразительно, что нельзя не обвинять въ преступномъ легкомысліи иностранцевъ, ничего не замѣтившихъ ранѣе 1866 года. Я выражаю такъ рѣзко свои убѣжденія не для укора, но изъ желанія видѣть ихъ принятыми. Отвергать очевидное, не стараться сообщать о дѣйствительномъ положеніи — значило бы не исполнять своихъ обязанностей. Еще разъ повторю: прусскій народъ и армія, соединенные однимъ духомъ, одной энергіей, одной дисциплиной, однимъ образованіемъ, при случаѣ явятся самыми страшными нашими противниками.

«Намъ нельзя болѣе смѣяться надъ Пруссіей», сказалъ мнѣ принцъ Наполеонъ, во время своего пребыванія въ Берлинѣ. Я позволяю себѣ прибавить, что мы никогда и не должны были бы смѣяться. Чтобы ни говорили о прусской націи невѣжды, ничто не помѣшало ей, первой, имѣть скорострѣльное ружье, а подобные факты видимое проявленіе способностей народа. Довольно любопытно обличеніе этого факта съ бывшимъ уже въ семилѣтнюю войну, въ которой прусаки были обязаны частію своихъ успѣховъ превосходству своего ружья, благодаря введенію желѣзныхъ шомпелевъ.

Во Франціи, въ модѣ превозносить австрійскую армію, и возражающимъ дѣлаютъ такой упрекъ: умаляя достоинства австрійской арміи, вы умаляете нашу славу. Но историческіе факты съ избыткомъ могутъ служить доказательствомъ, что австрійская армія, несмотря на свои достоинства, наименѣе опасная изъ всѣхъ остальныхъ въ Европѣ. «Австрійцы свыклись съ пораженіемъ», сказалъ мнѣ принцъ Фридрихъ-Карлъ, не слышавшій ихъ уважающій. Съ своей стороны, я довольно изучалъ и сраивалъ, особенно въ послѣдніе два года, арміи австрійскую и прусскую, чтобы сказать съ увѣренностью: «не думайте, французы, что, въ случаѣ войны, мы будемъ имѣть дѣло съ такою же арміею, какова австрійская; прусская армія

намъ противопоставить *силу, смѣлость и военную науку*, чего мы не встрѣтили въ Италіи». Батъ, напимѣрь, сложились бы соби-тія, если бы, вмѣсто австрійской арміи, мы должны были сражаться съ прусскою? Еще до открытія бы военныхъ дѣйствій, прусская армія была бы въ Туринѣ, между тѣмъ какъ французская не перешла бы и Альповъ. При Сольферино, 4-й корпусъ, несмотря на его геройскія усилія, былъ бы разбитъ еще въ недѣлю. Въ этомъ ничто не можетъ сомнѣваться, кто только знаетъ проявленную прусскими войсками, въ войнѣ 1866 года, энергію и доказанными опытомъ способности ихъ начальниковъ.

Эта война представляетъ, между прочимъ, три сраженія, славныя которыхъ трудно найти въ исторіи другихъ народовъ.

22-го іюня, въ сраженіи при Соорѣ, одинъ баталіонъ 2-го гренадерскаго полка, императора Франца, атакуетъ цѣлую австрійскую бригаду, въ семь баталіоновъ (бригада Гривенна), и, несмотря на огромныя потери, даетъ время другому прусскому баталіону подождать и разсѣять противника.

3-го іюля, при Кениггрецѣ, дивизія Франсецаго, силою въ 9,000 человекъ, беретъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, сперва противъ одного, а потомъ противъ двухъ австрійскихъ корпусовъ и удерживается на позиціи. Въ этотъ же день, 1-я гвардейская пѣхотная дивизія овладѣваетъ высотами Хлума и три четверти часа, одна, защищается противъ атакъ, правда дурно направленныхъ, двухъ свѣжихъ резервныхъ австрійскихъ корпусовъ.

Окончу нѣсколькими словами о достоинствахъ прусской арміи въ маневрированіи и о военныхъ способностяхъ, приобретенныхъ офицерами путемъ труда и изученій.

1866-й годъ служить блистательнымъ доказательствомъ высокаго качества прусской арміи въ маневрированіи. Въ Богеміи прусскіе генералы мнѣ рассказывали много случаевъ, достойныхъ удивленія, даже предполагая въ нихъ долю преувеличенія. Въ особенности они хвалятся хладнокровіемъ, съ которымъ ихъ солдаты смыкаютъ ряды, подъ огнемъ непріятеля. Въ сраженіи при Сзалицѣ, 47-й пѣхотный полкъ, подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ, съ барабаннымъ боемъ двинулся впередъ, въ развернутомъ строѣ, противъ войскъ генерала Фрагерна. Стройность и спокойствіе движенія такъ поразили Фрагерна, считавшаго прусскія войска годными лишь для парадовъ, что заставилъ его воскликнуть: «смотрите, эти грязныя свиньи воображаютъ себя на парадѣ!» Онъ былъ убитъ, но его слова, по-

редакция ввѣнъ въ плѣнъ его адъютантомъ, сдѣлались историческими въ прусской арміи.

Не знаю, сохранили ли бы прусскія войска стройность своихъ движеній передъ натискомъ нашихъ войскъ? Къ несчастію, во Франціи весьма много офицеровъ, отвергающихъ превосходство стройности въ движеніяхъ и возводящихъ даже въ принципъ стремительность, хотя бы и въ безпорядкѣ. Дай Богъ, чтобъ наши генералы вспомнили то, что Наполеонъ написалъ о маневрахъ, и согласовались болѣе съ нимъ; солдаты его, конечно, имѣли не меньшую стремительность, чѣмъ солдаты нашего времени. Нашъ стремительный безпорядокъ имѣлъ успѣхъ въ борьбѣ съ австрійцами; но можетъ случиться совершенно прѣтивное, если нашими противниками будутъ такіа стойкія войска, какъ англійскія или прусскія.

Что касается до научнаго образованія и военныхъ способностей, то я уже говорилъ, до какой степени ими обладаютъ прусскіе генералы. Доказательствъ много; но я ограничусь характеристическимъ сравненіемъ, пришедшимъ мнѣ на память при изученіи кампаніи 1866 года, относительно распределенія корпусовъ арміи. Наполеонъ I сказалъ: «ограниченность человѣческихъ способностей допускаетъ одному генералу командовать, на одномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, не болѣе какъ пятью частями». Что мы видимъ въ 1866 году? У Бенедекка, подъ его непосредственнымъ начальствомъ, находилось семь австрійскихъ корпусовъ, саксонская армія, четыре кавалерійскія дивизіи и артилерійскій резервъ, всего 13 самостоятельныхъ частей. Формируетъ ли онъ изъ нихъ армію? Нѣтъ. Онъ отдаетъ приказанія, отдѣльно, каждой изъ этихъ тринадцати, независимыхъ одна отъ другой, частей. Какая, вслѣдствіе того, бессвязность, какая потеря времени, сколько приказаній и отвѣвъ, втеченіе короткой кампаніи, столь гибельной для Австріи!

Какой контрастъ съ распоряженіями Берлина! Здѣсь, три арміи, т. е. три отдѣльныя единицы, получаютъ приказанія изъ главной квартиры короля. Начальникъ арміи сохраняетъ свободу въ ихъ исполненіи, распоряжаясь движеніями только четырехъ корпусовъ. Все просто и понятно.

Странное дѣло! Австрія въ 1859 и 1866 годахъ дѣлаетъ двѣ противоположныя ошибки въ распределеніи своихъ силъ. Въ 1859 году она образуетъ двѣ отдѣльныя арміи — концентрированіе было слишкомъ крупно; въ 1866 году образуетъ тринадцать отдѣльныхъ частей — раздѣленіе было слишкомъ мелко.

Не ясно ли доказываютъ эти факты превосходство военныхъ спо-

собностей прусской арміи? Потому что, если въ австрійской арміи высшіе офицеры не знаютъ главныхъ военныхъ началъ, начертанныхъ величайшимъ полководцемъ, въ его мемуарахъ, то чего можно ожидать отъ низшихъ?

Какъ видно, все, что я говорилъ о прусской арміи и въ особенности о ея превосходствѣ надъ австрійскою, вытекаетъ самымъ нагляднымъ образомъ изъ изученія фактовъ, характера и учреждений обоихъ народовъ. Я не сомнѣваюсь, что всякій офицеръ, пожелавшій сравнить и взвѣсить, будетъ пораженъ точно также. Онъ признаетъ за прусской арміей, во-первыхъ, отличительныя качества Сѣверной Германіи: энергію, смѣлость, дисциплину, экономію, чувство долга и собственнаго достоинства; во-вторыхъ, единодушіе, образованіе, умѣніе маневрировать, прекрасное вооруженіе, образовантѣйшій въ Европѣ генеральный штабъ, военныя знанія офицеровъ. Всѣ эти качества или совсѣмъ не встрѣчаются въ австрійской арміи, или встрѣчаются гораздо въ меньшей степени.

Почти излишне прибавлять, что военныя событія 1866 года еще болѣе возвысили въ прусской арміи чувство собственнаго достоинства. Въ Пруссіи никогда и ничего не упускали, чтобы внушить арміи самоувѣренность. Ее осыпали милостями и старались возвысить въ глазахъ народа, придавая ей характеръ самаго кореннаго учрежденія, даже, можно сказать, священнаго. Во время божественной службы, пасторъ прежде всего испрашиваетъ благословеніе Всевышняго на короля и на армію.

И все исполняется съ спокойнымъ достоинствомъ и съ твердымъ убѣжденіемъ, столь присущими этому серьезному народу, территорія котораго простирается отъ Вислы до Рейна.

Какой контрастъ съ положеніемъ французской арміи, этого какъ бы сборища всѣхъ бездомныхъ, арміи въ которой мало по малу ослабѣваетъ дисциплина и теряется воинскій духъ!...

III.

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА ОБЪ ОБЕЗОРУЖЕНІИ ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ПРУССКОЙ ВОЕННОЙ СИСТЕМѢ.

Донесеніе отъ 28-го февраля 1870 года.

Уже много лѣтъ вопросъ объ обезоруженіи Европы занимаетъ всѣ умы. Я буду говорить о немъ на столько, на сколько онъ касается Пруссіи, и воздержусь отъ политическихъ воззрѣній, оставаясь

достаточнаго изученія прусскихъ учреждений, что обезоруженіе Пруссіи возможно. Они признають, правда, начало пынѣшней общеобязательной службы препятствіемъ къ обезоруженію, однако не тѣмъ, при которомъ обезоружиться было бы невозможно. Пруссія, говорятъ они, никогда не принимала и не принимаетъ, даже въ настоящее время, это начало въ полномъ его объемѣ; она не зачисляетъ сегодню въ свою армию все число способныхъ людей. Доказательствомъ тому можетъ служить 60-я статья сѣверо-германской конституціи, опредѣляющая мѣрную численность арміи до 31-го декабря 1871 года, по расчету $\frac{1}{100}$ цифръ народонаселенія 1867 года, что даетъ ежегодный контингентъ около 100,000 человекъ, тогда какъ Сѣверо-Германскій Союзъ насчитываетъ каждый годъ 160,000 молодыхъ людей, двадцатилѣтняго возраста, способныхъ къ службѣ. Если же Пруссія не принимаетъ свое начало въ полномъ объемѣ, почему же она не можетъ его умалять еще болѣе, то есть уменьшить число зачисляемыхъ людей до 80,000 или даже 70,000?

Это возраженіе основано на поверхностномъ знаніи вещей. Пруссія нечаянно не умаляетъ въ принятіи начала общеобязательной службы. 60-я статья федеральной конституціи, дѣйствительно, опредѣляетъ малочисленную численность войскъ знаменемъ въ 1:100 цифры народонаселенія 1867 года; не нужно знать, что отношеніе 1:100 точно сфредѣлено именно въ видахъ полного принятія начала общеобязательной службы.

Составители конституціи знали статистическія данныя Пруссіи до 1866 года, когда численность арміи, организованной на началѣ общеобязательной службы, простиралась до 200,000 человекъ, при народонаселеніи въ 20 миліоновъ. (что даетъ отношеніе 1:100). Съ тѣхъ поръ, они просто усвоили это отношеніе для опредѣленія численности арміи Сѣверогерманскаго Союза. Разнятся ли между собою ежегодныя числа двадцатилѣтнихъ молодыхъ людей, способныхъ къ службѣ, а слѣдовательно всё ли молодые люди зачисляются каждый годъ—все это имъ въ чемъ не ослабляетъ принятія начала общеобязательной службы. Очевидно, что между людьми годными и неспособными нѣтъ рѣзкой границы, которая бы позволяла отличать однихъ отъ другихъ. Нѣкоторый просторъ воли, нѣкоторая игра случая необходимы; и вотъ почему въ Пруссіи революціонныя немисіи иногда откладываютъ до трехъ лѣтъ въ ряду рѣшеніе участи значительнаго числа молодыхъ людей.

Изъ тѣхъ-то людей, да еще подвергшихся наказанію по судебному преслѣдованію, которые, какъ извѣстно, изъяты отъ дѣйствительной

службы въ обыкновенное время, составленъ резервъ замѣщений (Ersatz-Reserve).

Недопускающіе для Пруссіи невозможности обезоруженія опираются также на недавно внесенное депутатомъ Вирховымъ въ палату предложеніе объ обезоруженіи. Какимъ образомъ, говорятъ они, подобное предложеніе могло бы быть сдѣлано депутатами, если бы военная организація сѣверной конфедераціи дѣйствительно не допускала обезоруженія?

Въ отвѣтъ на это возраженіе я скажу, что въ Пруссіи, какъ и вездѣ, существуютъ противники содержанія даже постоянныхъ армій, и что въ Германіи, особенно, существованіе такихъ армій подвергается нападеніямъ цѣлой массы мечтателей и теоретиковъ, которые отвергаютъ ихъ и оплакиваютъ, какъ они говорятъ, ихъ *неизводимость*. Другіе допускаютъ необходимость постоянныхъ армій и признаютъ ихъ преимущества, но находятъ, что правительство заходитъ слишкомъ далеко и могло бы достигать цѣли съ меньшими издержками. Въ числѣ этихъ послѣднихъ и являются тѣ, которые дѣлаютъ предложенія въ палатѣ, чтобы заставить правительство сократить военные расходы, но безъ обезоруженія въ строгомъ смыслѣ. Они употребляютъ слово *Abrüstung* (разоруженіе), а не *Entwaffnung* (обезоруженіе). Идея предложеній проста: «наши военные издержки велики и мы требуемъ ихъ уменьшенія, какимъ бы то ни было способомъ». Вирховъ и его сторонники не могли не знать, что ихъ предложеніе имѣло мало шансовъ на принятіе, потому что военные расходы опредѣлены до 31 декабря 1871 года статьями 60 и 62 конституціи. Они хотѣли сдѣлать лишь первую попытку, и возобновятъ ее при удобномъ случаѣ, напримѣръ, при обсужденіи рейхстагомъ новыхъ статей для замѣны старыхъ. Они надѣются выиграть въ сесіи 1871 года и успѣть, съ одной стороны, въ уменьшеніи отношенія 1:100, съ другой цифры 225 талеровъ, которые платятъ разныя государства въ годъ на челоуѣка.

Эти надежды на обезоруженіе, питаемыя одной партіей въ Германіи, надежды неосуществимыя для Пруссіи, раздѣляются во Франціи очень многими. Стоитъ только прочесть недавнія статьи въ газетахъ «*Moniteur*» и «*Constitutionnel*». Сказавъ о намѣреніи французскаго правительства уменьшить цифру контингента, эти газеты продолжаютъ такими фразами: «но Франція въ правѣ требовать, чтобы и другія державы, начиная съ Пруссіи, дѣлали тоже самое. Почему Пруссія, съ своей стороны, не даетъ ручательствъ своего

мирнаго настроенія? Почему ей не уменьшить своего контингента 1872 года?» и т. т.

Подобныя идеи не были бы высказаны нашими журналистами, если бы они были ближе знакомы съ Пруссіею и съ ея учрежденіями. Они знали бы, что эта держава несвободна въ уменьшеніи или увеличеніи своего ежегоднаго контингента, и что ей невозможно, по смыслу своихъ учреждений, дать ручательства своего мирнаго настроенія. Она можетъ ихъ дать только на словахъ, что, конечно, не покажется достаточнымъ. Она связана, даже скована началомъ общеобязательной службы. Таковы факты. Иностранцу важно ихъ знать, чтобы дѣйствовать сообразно.

Въ настоящемъ донесеніи я старался объяснить: 1) что Пруссія можетъ обезоружиться, только отказавшись отъ общеобязательной службы; 2) что она ни въ какомъ случаѣ не откажется ни отъ нея, ни отъ обязательнаго обученія, составляющихъ вмѣстѣ источникъ ея силы. Отсюда я заключилъ, что Пруссія находится въ невозможности обезоружиться. Затѣмъ я старался опровергнуть возраженія противъ примѣненія начала общеобязательной службы.

Если меня поняли, то, вѣроятно, признаютъ, на сколько было бы безразсудно какому либо правительству предлагать въ Берлинѣ обезоруженіе. Такимъ поступкомъ правительство ставило бы себя въ положеніе или быть обманутымъ, или испытать отказъ, смотря по тому, захотѣло ли бы прусское правительство быть искреннимъ или нѣтъ. Если оно не захочетъ быть искреннимъ, то воспользуется довѣріемъ и невѣдѣніемъ иностраннаго правительства и отошлетъ домой нѣкоторое число людей изъ-подъ знаменъ, даже обѣщая дать этому уменьшенію постоянный характеръ; словомъ все то, что не составляетъ дѣйствительнаго обезоруженія, а, какъ я объяснилъ, лишь ослабленіе до нѣкоторой степени обученія людей. Отсюда выйдетъ, что въ то время, какъ Пруссія, въ дѣйствительности не обезоруживаясь, сдѣлаетъ денежное сбереженіе, иностранное правительство, уменьшеніемъ величины своего контингента, обезоружится на самомъ дѣлѣ.

Если же прусское правительство пожелаетъ быть искреннимъ, то отвѣтитъ, что обезоруженіе повлечетъ за собою уничтоженіе общеобязательной службы, и объяснить, по какимъ важнымъ причинамъ оно не можетъ пожертвовать этимъ началомъ. Такой отвѣтъ былъ бы чистымъ отказомъ.

Только въ одномъ случаѣ сдѣланное Пруссіи предложеніе обез-

оруженія нѣло бы смыслъ: если бы предложившее государство пожелало разрыва. Тогда относительное положеніе обоихъ правительствъ походило бы на положеніе двухъ людей, изъ которыхъ одинъ требовалъ бы отъ другаго невозможной вещи. Последнее слово было бы: вы не хотите обезоружиться? Ну, такъ будемъ драться.

Но, повторяю, правительство, предложившее въ Берлинѣ обезоруженіе съ чистосердечнымъ намѣреніемъ, и при прямодушіи Пруссіи можетъ получить только отказъ. Прусское правительство въ своихъ отвѣтахъ будетъ опираться на начало обязательной службы, какъ на неопровержимый доводъ. Оно будетъ объяснять причины, заставляющія его сохранять это начало, и на всѣ предложенія, возраженія и просьбы отвѣтитъ военнымъ «*non possumus*»! (невозможно).

Баронъ Стоффель.

Съ своей стороны, мы не можемъ не сказать, что дѣятельность полковника Стоффеля, судя по его донесеніямъ, можетъ служить образцомъ исполненія обязанностей военного агента. Его вниманіе, при обширномъ образованіи и глубокой наблюдательности, обращалось именно на тѣ предметы военной организаціи Пруссіи и на тѣ стороны ея арміи, которые наименѣе доступны изученію и пониманію по книгамъ и офиціальнымъ даннымъ, въ особенности для людей, незнакомыхъ съ складомъ жизни прусскаго народа.

Г. В.